



# **Наталья Костина**

## **Яд желаний**

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=11979876](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11979876)

*Наталья Костина. Яд желаний.: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2013*  
ISBN 978-966-14-6150-4, 978-966-14-6270-9, 978-5-9910-2713-7, 978-966-14-6151-1,  
978-966-14-6153-5, 978-966-14-6154-2, 978-966-14-6152-8

### **Аннотация**

Скоро премьера, а солистка труппы вдруг умирает при загадочных обстоятельствах. В театре закипают нешуточные страсти! Закулисные интриги, запутанные любовные истории, неожиданные разоблачения, раскрывшиеся тайны... И финал в духе шекспировских трагедий.

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Конец ознакомительного фрагмента. | 46 |
|-----------------------------------|----|

# Наталья Костина

## Яд желаний

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013

© Костина-Кассанелли Н., 2013

© DepositPhotos.com / Sergey Peterman, Konrad Bąk, обложка, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

ISBN 978-966-14-6150-4 (fb2)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

**Электронная версия создана по изданию:**

**Костина Н.**

К72 Яд желаний: роман / Наталья Костина; предисл. Е. Лесовиковой. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2013. – 384 с.

ISBN 978-966-14-6270-9 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2713-7 (Россия)

**УДК 821.161.1**

**ББК 84.4УКР-РОС**

Дизайнер обложки *Надежда Величко*

*Не протягивай руку желаний к накрытой скатерти судьбы,  
ибо куски ее отравлены ядом.*

*Ходжа Самандар Термези*

Город жил обычной жизнью. Кто-то спешил с работы, кто-то торопился за детьми в школу, кого-то звал уютный дом, а кого-то, напротив, ждала шумная вечеринка.

Сотни тоненьких ручейков-жизней сливались в один мощный поток жизни никогда толком не засыпающего города. Быть может, в самый глухой час ночи, когда темны почти все окна домов и выключено освещение улиц, позволит себе город-великан несколько минут спокойствия.

Должно быть, именно в такой глухой час и зарождаются заветные желания. Одни прячутся от нас самих, выжидая мига, когда станут желаниями обычными, осуществимыми. Другие заползают в самые темные уголки души и живут там годы, превращаясь в навязчивые, обрастая объяснениями и оправданиями. Случается, что такие желания поглощают всю душу целиком, становятся самой сутью жизни человеческой, ведут его годами.

Счастье, если это желание стать знаменитым музыкантом или расшифровать надпись, сделанную тысячелетия назад... А если желание куда проще и страшнее – воздать каждому, кто обидел? И что, если этих «каждых» с годами становится только больше, если обиды видишь в самых невинных словах или поступках?

Да, тогда происходит с человеком страшное «чудо» – выглядит он так же, как все, разговаривает, ест, влюбляется, ссорится. А изнутри... Изнутри весь он черен от зависти и яда желаний, превративших его душу в кипящий гневом котел.

Это и произошло с героиней нового романа Натальи Костиной. Но благодаря автору нам стало понятно, отчего она повела себя именно так, как повела. Дневник убийцы, как зеркало, отразил каждый из дней, когда безобидные с виду желания, попадая в черное горнило мести, страшно преображались, как обиды сливались в один огромный ком нелюбви, превратили милого и славного человечка в чудовище, готовое во имя своей цели смести все на своем пути.

Казалось бы, что может быть страшнее убийства? Что может быть непоправимее смерти? Да, за ней тьма небытия. Но лишь для одного. Все же остальные, ненадолго оглушенные болью, через какое-то время возвращаются к прежней жизни. И даже эта боль, ужасная, запомнившаяся навсегда, уходит, истирается, превращается в такое же воспоминание, как и сотни других.

Вот именно это нивелирование и есть то, что страшнее смерти. Спокойствие и холодные глаза, вчера незаинтересованно взглянувшие на труп, а сегодня так же рассеянно рассматривающие цветы на клумбе.

Равнодушные, занятые собой, мы не замечаем бед, которые каждый день происходят вокруг нас. Или, заметив, пожимаем плечами: ведь мне же в свое время никто не помогал выбраться из неприятностей – так отчего же я должен кому-то помогать?

Так происходит и с героями романа «Яд желаний». Ни смерть, ни предательство, ни равнодушие не могут вырвать их надолго из колеи, чтобы задуматься, что же самое главное в жизни, ради чего стоит жить. Задуматься о том, так ли заветны желания или, быть может, они тоже могут привести к самому краю пропасти.

Герои подумать об этом не успевают, но, быть может, нам, прошедшим с ними весь путь от первой до последней страницы романа, стоит задуматься о том, куда могут привести нас наши желания.

*Есть люди, которые все явления окружающего мира воспринимают как-то совсем по-своему. Даже те из этих явлений, смысл которых человечеству давно известен, относительно которых давно условлено думать так, а не иначе, и те они понимают совершенно своеобразно. Эти люди живут как будто в другом мире, только параллельном нашему, но не совпадающему с нашим вполне во всех точках. Я заметил, что такие люди бывают двух категорий: или бездарно и тяжело тупые, или, наоборот, глубоко одаренные и даже гениальные. В них, в людях этих двух категорий, есть только одна схожая черта: гениальность последних так же тяжеловесна, как глупость первых.*

**В. М. Конашевич**

Старлей Бухин читал. Сегодня у него был выходной, и грех было не воспользоваться этим с наибольшей пользой. Глаза старлея с упоением поглощали строчку за строчкой, а выражение лица говорило о том, что с книгой ему действительно повезло. Старлей замечательно разбирался не только в своей тяжелой работе опера убойного отдела, но и в художественной литературе. И книга, которую он сейчас держал в руках, безусловно, относилась к тем редким новинкам, которые доставляют подлинное удовольствие и не заставляют пожалеть ни о потраченных деньгах, ни о потерянном времени.

Итак, Бухин читал. Читал он сидя на крышке унитаза, в так называемом совмещенном санузле – маленьком тесном помещеньице, отнюдь не предназначенном для чтения, а уж тем более – еды. Однако на умывальнике виднелся поднос с чашкой чая, а также три бутерброда с вареной колбасой. Все это чтец собирался употребить немедленно, но чай простыл, да и о бутербродах он почти забыл, увлекшись стремительно разворачивающимся сюжетом.

В ванне, дожидаясь его внимания, мокли пеленки, но старлей, не замечая ничего, восседал с книгой на унитазе, для пущего комфорта предусмотрительно умягчив сиденье подушечкой.

Саша Бухин вовсе не был извращенцем, предпочитающим туалет всем прочим помещениям. Однако в маленькой квартирке его родителей, после того как там поселились его жена, теща и его собственные дети – близнецы Саша и Даша, податься было абсолютно некуда.

Квартира, которая раньше была довольно просторной – как-никак три комнаты! – с переездом в нее всего-то двух взрослых и двух совсем маленьких детей, вдруг съежилась до размеров совершенно неприличных. Вот поэтому-то и вышло, что уединиться с книгой, кроме как в туалете, было негде. В гостиной смотрели телевизор Сашин папа и Дашина мама, из дальней комнаты доносился звук еще одного средства коммуникации – у бабушки и у родителей старлея вкусы не совпадали. В их с Дашкой комнате пока было тихо – спали близнецы и сама Даша. На кухне мама Саши, являющаяся к тому же свекровью и бабушкой в одном лице, готовила ужин для всей большой объединенной семьи. Приготовление пищи было делом весьма нелегким, требующим сноровки и фантазии. Нужно было учесть как потребности кормящей невестки, так и ее собственной престарелой свекрови. Однако маме старлея Бухина было не привыкать к трудностям. На плите шипело, скворчало и булькало. И, разумеется, процесс готовки также сопровождал телевизор.

Такое тотальное перенаселение в квартире Бухиных-старших случилось после того, как младшие – то есть Саша и Даша – получили благородно отстегиваемые государством «детские деньги». На первый взгляд сумма была весьма внушительной, однако квартиру на нее купить было нельзя, машину тоже. Сгоряча молодые родители едва не потратили большую часть средств на расширение кругозора – романтически настроенная Дашка желала в Париж и прочую Европу. Ее более практичная свекровь настаивала на том, что после родов нужно не в Париж, а в санаторий – оздоровиться. Бухин был готов нести Дашку в Париж на руках, но пока близнецы не подрастут, даже мечтать о путешествии было преждевременно. Класть деньги в банк молодая семья опасалась – мало ли банков лопнуло за последнее время? Поэтому они, спрятанные в укромном уголке антресолей, вызывали неопределенное беспокойство и, что называется, жгли владельцам карман. Наконец Сашку осенила гениальная идея. Он посоветовался с женой, и она идею одобрила. Счастливые супруги вздохнули с облегчением: в Париж они попадут рано или поздно, а вот квартира Даши, в которую старлей вселился после свадьбы, отчаянно нуждалась в ремонте. Разумеется, и Даша, и ее мама, любящая порядок и чистоту, блюли каждый уголок, но все старилось и ветшало – осыпалась штукатурка, стирались полы, а сантехника и обои еще помнили правление если не Никиты Хрущева, то уж генсека Брежнева точно.

Ремонтировать жилье постановили капитально: ободрать все сверху донизу и замечать все, что только было возможно. Разумеется, в пределах полученной суммы. Сашка Бухин несколько вечеров провел, обложившись со всех сторон бумажками с чертежами и подсчетами, – глупо было бы начать и бросить такое великое дело из-за перерасхода финансирования. Но цифры складывались, делились и умножались, дебет сходился с кредитом, и старлей сделал вывод – капитальный ремонт они потянут.

Семья собрала необходимые вещи и переехала к родственникам, освободив помещение для грядущих перемен. Однако скоро ремонты делаются только в передаче «Квартирный вопрос». Тех, кто обдерет и квалифицированно снесет на помойку мусор, нашли без проблем, а вот хорошего плиточника или того, кто качественно и недорого сделает остальное, было днем с огнем не сыскать. Должно быть, все подались в Москву за длинным российским рублем, как предположила бухинская бабуля, глядя на маету любимого внука. Бабуля, страдающая хронической бессонницей, почти круглосуточно смотрела новости, передаваемые по всем каналам, была политически подкована и наслышана буквально обо всем.

Ремонт был успешно начат, но – увы! – почти сразу же и приостановлен. Потому как никто из них не мог следить за рабочими. А те, пользуясь хозяйским попустительством, все норовили сделать по принципу: косо, криво – лишь бы живо. Такой результат не стоил ни моральных мучений, ни тем более денег, которых с лихвой хватило бы на кругосветное турне. Халтурщики безжалостно изгонялись, однако лучше не становилось... Рабочие приходили и уходили, а нужных людей все не находилось. Сашка, который целыми днями пропадавал на службе, почти изверился в своей затее, а Дашка изнемогала под бременем двойных материнских забот. Теща, Лариса Михайловна, работающая учителем в школе, отчего-то именно себя чувствовала ответственной за вялотекущее ремонтное безобразие. Она с нетерпением ждала летних каникул, которые вот-вот должны были начаться, чтобы продвинуть капитальный ремонт хотя бы собственными силами и к осени въехать обратно в свое жилье. Теща Бухину попалась душевная и совестливая, и он ее ценил.

Сашины родители и старенькая бабушка стойчески сносили трудности, связанные с рождением двойняшек, увеличением семьи и ремонтом, который каждый в своей жизни должен пережить хотя бы раз. Однако видно было, что и они уже устали...

– Сашуня, – мама постучала в дверь, – иди скорее. Она проснулась!

Старлей наскоро проглотил то, что осталось от бутерброда, хлебнул холодного чая, с сожалением захлопнул книгу и почти бегом отправился в спальню.

– Поздно, – встретила его жена. – Она ее уже разбудила!

Она – это была их старшенькая, Санька. Данька была потише и попокладистее. У Саньки же характер был неизвестно в кого – скандальный до ужаса. Она просыпалась первая, сразу же начинала буйствовать и будила сестру.

– На, поддержи. – Дашка сунула ему младшую. – Может, поспит еще...

Саша, укачивая сонно таращившуюся серо-голубыми Дашкиными глазами Дашку-младшую, пошел в кухню.

– Саня, ну куда ты с ребенком! – мама сразу завернула его обратно. – Иди отсюда. Лук же режу...

В гостиной так орал спортивный комментатор, что он, подумав, постучал к бабушке:

– Бабуль, можно к тебе?

– Ах ты моя сладкая, ах ты моя девочка, – заворковала над правнучкой Мария Петровна, выключая телевизор. – Саня, это кто?

– Данька.

– Ну конечно... Данька, а кто же еще... А та скандалистка?

– Ест.

– Ну, иди ко мне, моя хорошая...

Данька увидела знакомое лицо, открыла глаза пошире – и улыбнулась. Улыбка у нее была столь заразительной, что улыбнулась и бабуля, улыбнулся и сам Саша, начисто забыв о том, что будить Даньку раньше времени было не велено. Он почмокал губами, скорчил дочери рожу, потом взлохматил себе волосы и сделал страшные глаза. Вся эта пантомима настолько понравилась младенцу, что Данька засучила кулачками, задвигала ножками и только что не заплодировала.

Различить дочерей было бы совершенно невозможно, если бы волосы у них на макушках не закручивались в разные стороны – у Саньки вправо, а у Даньки влево. «Левовращающий изомер», – смеялась Дашка над младшей дочерью. Дети были настолько одинаковыми, что сначала это забавляло родителей, а потом не на шутку озадачило. Больше всего Дашка боялась, что дети заболеют и она даст одной дочери двойную дозу лекарства, в то время как другая останется без врачебной помощи вовсе. Эта мысль так крепко засела в ее голове, что Дашка, оптимистка по своей природе, стала необоснованно вздыхать и без видимой причины измерять детям температуру.

Сашка в шутку предложил сделать малышам тату – с заглавными буквами их имен, но Дашка юмора не поняла – в первый раз в их совместной жизни. И чуть не рассорилась с мужем. Дашка писала стихи, и у нее было развитое воображение. Поэтому она сразу же представила себе, как ее дочерей помечают как... как сортировочным клеймом! Так она Сашке и заявила. Крича в запальчивости, она не слышала его увещаний и уgomонилась только тогда, когда Сашка принялся ее целовать, преодолев перед этим нешуточное сопротивление.

Конечно, волосики, закручивающиеся на макушках дочерей в разные стороны, – это прекрасный маркер, но на головах у них то шапочки, то косынки, и снимать их каждый раз, чтобы проверить, кто есть кто, не очень-то удобно... Чтобы быстро их различать, они решили покупать близняшкам одежды разных цветов. Однако это не решило проблему, а только усугубило ее. Вещички быстро перепутались, и невозможно было соблюсти это правило, особенно когда детей собирала не Дашка, а ее мама или свекровь. Кроме того, сборы обычно сопровождались большой спешкой – чтобы не запарить уже запакованное одно дитё и не простудить второе... Потому-то Санька несанкционированно носила Данькино салатное, а Данька – Санькино сиреневое, и наоборот. Малышки были настолько похожи, что их постоянная идентификация, несомненно, приобрела бы масштабы настоящего бедствия, не заметь Даша в роддоме, пока дочери были еще с бирочками на ручках, что у той, которая родилась на пятнадцать минут раньше, волосики закручиваются по часовой стрелке, а у младшей – наоборот. Только это их и спасло. Иначе нравную и голосистую Саньку точно перепутали бы с ее тихой сестрой. Достаточно было уже того, что молодые родители называли дочерей Саша и Даша. Никому это не понравилось, кроме самих Саши Бухина и Даши Серегиной, в счастливом замужестве Бухиной.

– Сашунь, ну как вы дома-то будете? – уговаривала его мама. – Ведь неудобно же до ужаса...

– Мам, ну а вы же сами?..

– Да глупость, сразу не подумали! Надо было тебя Сережей назвать...

Саша Бухин был Александр Александрович, и вот теперь в доме образовалось сразу три Саши: его отец, он сам и маленькая Сашка. Отца все звали Саныч, его – Сашка, а малышку иначе как «скандалистка» и «золото наше золотое» никто не называл. Бабушка предлагала называть девочку Шурочкой, но против этого восстало младшее поколение в полном составе. Дашка называла дочерей Санька и Данька, и эти имена так за ними и закрепились.

– Эй, Даньку давай! – закричали из спальни.

Саша забрал у бабушки правнучку, которая уже подавала признаки нетерпения, но пока не орала, и понес на кормежку.

– На. – Даша переложила ему на руки сладко причмокивающую старшую. – Четыре месяца только, а характер... – Она покрутила головой. – Такая голодная была, что меня укусить пыталась, представляешь?

– Дашка, они тебя съели, – с жалостью глядя на жену, проговорил Саша. – Ну подчистую съели, хоть и зубов нет. Больно укусила? Ах ты, негодная девчонка... – Он пощекотал Саньке крохотную розовую пятку, но та, насытившаяся и довольная, не обратила на это никакого внимания. – Спит уже, а то бы я ее сам укусил...

– Саш, книга хорошая? – не обращая внимания на замечания мужа, спросила Даша.

– Класс. Оторваться невозможно. Жаль, Санька не вовремя проснулась. Ты сама есть-то хочешь? – внезапно озаботился он.

– А уже дают?

– Вот-вот будет готово, по-моему. Но если очень хочешь, у меня там еще бутерброд остался, – предложил он.

– Не хочу я твоих туалетных бутербродов. Как там наш ремонт? – грустно спросила Даша, глядя на младшую, увлеченно сосущую молоко. – Скорее бы мама в отпуск пошла.  
– Вот на работе будет потише, я подключусь, – дал опрометчивое обещание старлей.

\* \* \*

– Бухин, ну что ты копаешься? Собирайся давай. Я тебя внизу, в машине жду... Слышишь? Да проснись ты наконец! У нас труп.

«Господи, за что?» – подумал старлей Бухин и потер лицо. Глаза просто закрывались сами собой, и хотелось снова завалиться туда же, откуда он только что встал, – на составленные в ряд стулья в помещении дежурки. Бухин спал на этом импровизированном ложе, уступив, как и положено джентльмену, диван даме. «Я же Дашке обещал сегодня пораньше прийти и съездить с ней посмотреть сантехнику, пока мама будет гулять с детьми...» – вспомнил он, уже спускаясь по лестнице вниз и понимая, что, скорее всего, сантехнике придется снова ждать.

Женщина была не первой молодости, но, безусловно, красива. Хотя к красоте ее сейчас было применимо только одно определение – «была». Потому что эта красивая женщина была давно и безнадежно мертва. В квартиру пытался пройти какой-то народ, не то родственники, не то соседи, – до конца не проснувшийся Саша так этого и не понял.

– Гони всех отсюда! – раздраженно закричала следователь Сорокина, в паре с которой Бухину выпало дежурить.

Голос у Сорокиной был не просто громкий. Голос у Сорокиной был командный. «Ей бы дивизию, на крайний случай – полк», – подумал Саша и вежливо, но непреклонно выпроводил за дверь особо настойчивого мужчину. Лицо посетителя показалось ему смутно знакомым, но сегодня утром у старлей Бухина от хронического недосыпа случился отказ всех систем: он плохо слышал, плохо видел, а соображал еще хуже.

– Причина смерти какая? – шепотом поинтересовался он у судебного медика.

Сорокину сейчас лучше было не трогать – она сегодня находилась явно не в духе. Саша попытался припомнить, но так и не вспомнил ни одного случая, когда лицезрел эту даму в хорошем настроении. Впрочем, данный казус можно было объяснить тем, что встречались опер Бухин и следователь Сорокина исключительно на работе. А работа в убийном отделе не просто тяжелая. Она еще и морально гнетущая. К тому же, кроме неприятных профессиональных издержек, связанных с выездами на места убийств, изнасилований и разбоев, этот вызов был еще и последним за долгие сутки их дежурства. А последний вызов, когда вот-вот должен смениться...

– Везет мне, как утопленнику, – сварливым голосом сказала Сорокина. – Как полчаса до конца – так и пожалуйста! – Тут работы на полдня, непочатый край... А кто мне сверхурочные доплачивать будет? Пушкин? Хоть бы на пенсию уже скорей уйти, что ли... Настояхренело все! Так что, какая причина смерти?

– Не пойму я что-то, Маргарита Пална. – Медик, молодой, недавно перешедший из проктологии в судебную медицину, также побаивался Маргариту Сорокину и явно не желал попасть впросак. – Вроде как естественная... – неуверенно протянул он.

– Ни хрена не естественная! – Сорокина ручкой, которой заполняла формуляр, ткнула в направление трупа. – Сидел бы ты в своей поликлинике, в жопе ковырялся! Эскулап! – Сорокина выплюнула это слово как ругательство. – Только и умеешь, что ректальную температуру измерять. Толку от тебя... Судороги у нее были, не видишь? Пена на губах. И воздух здесь... – Она выразительно pokrutila носом и, бросив напоследок победный и вместе с тем презрительный взгляд на эксперта, вернулась к своим бумагам.

Воздух в квартире был действительно не первой свежести, не то что на улице, где буйствовали весна и месяц май и цвели припоздавшие в этом году яблоневые сады. Сливы и вишни уже облетали, засыпая землю невесомым конфетти лепестков. Саша подошел к окну и распахнул створку. С улицы пахло таким неземным ароматом, что у него буквально закружилась голова.

– Так ведь труп сколько лежал, – запоздало попытался спасти растоптанное Сорокиной реноме медик. – И что я могу сейчас сказать, Маргарита Пална? Сами подумайте? Чего я гадать буду? В морге вскрывать нужно, там и определим...

По сути, он был прав – глядя на покойницу, у которой не было прямых признаков насильственной смерти, только ясновидящий мог определить, от чего умерла женщина.

– Ладно, ты фиксируй трупные явления, – махнула рукой Сорокина, – а мы с Сашей по квартирке пройдемся.

Прокурорская дама старлею Бухину почему-то благоволила, что было явлением экстраординарным – следователь Сорокина славилась своим скверным и неуживчивым характером. Ночью, вместо того чтобы мирно спать между вызовами на любезно предоставленном в ее распоряжение диване, она сокрушалась, что у Бухина две дочери, да еще и родились обе сразу! Нет чтобы с разницей годика в два-три... Рита Сорокина буквально забодала Бухина расспросами: как Дашка с ними справляется, как кормит, как гуляет, как то да как се... Саша Бухин хотя и был опером со стажем, но все еще считался молодым. А следователь Сорокина занималась своим делом без малого двадцать лет. Поэтому послать докучную бабу по всем известному адресу Саша просто не мог и обстоятельно рассказывал обо всех проблемах, связанных с близнецами, хотя ему отчаянно хотелось спать – вчера полночи читал, оторваться было невозможно... Ну а вторую половину маленькая Санька своими воплями испортила напрочь. Мало того, что она орала сама, так еще и разбудила сестру, и они устроили настоящую ночную серенаду. Причем, в отличие от моцартовской, совсем не маленькую. И только сегодня под утро ему удалось урвать минут сорок сна, а тут – снова вызов...

– Бедненько артисточка жила, – критически заметила Сорокина, по ходу осмотра квартиры бесцеремонно выдвигая ящики шкафов, перебирая опытными пальцами стопки белья и профессионально суя любопытный нос во все углы. – Да... Ни шуб тебе, ни драгоценностей... даже заначки нет. Кроме афиш, и взглянуть не на что!

– Какая артистка? – рассеянно спросил Бухин.

– Как какая? Народная, наверное, уже. Видал, режиссер этот ломился? Сразу мне не понравился! Не дадут теперь нам покоя с этим трупом, хоть бы она сто раз сама померла! Так оно и ежу понятно, что не сама... Да, вляпались мы с тобой, Санек, в этот театр по самое не хочу. Вот просто задницей чую! И не просто чувствую, а знаю! Теперь не успеешь домой с этой гребаной службы на четырех костях доползти, как начнут дергать. На контроль возьмут, звонить будут каждый день и приказывать, будто без их приказов не пашешь сутками, как лошадь! За такие деньги! Дураки только работают на этой работе за такие деньги! Да! И кишки будут мотать, пока напрочь не вымотают...

Саша тут же вспомнил, что режиссера он видел в театре, куда частенько навещался с черного хода, – цены на иные билеты оперу Бухину были не по карману. Ну а в театре работали знакомые ребята в охране, и это иногда было очень кстати. Даже предложение Дашке он сделал именно в их дежурке, как раз после спектакля Виктюка. Саша улыбнулся, вспомнив, как стал на одно колено прямо на не слишком чистый пол дежурки и протянул Дашке коробочку с кольцом. Тогда ему казалось, что если он не сделает этой девушке предложение немедленно, то никогда на это не решится...

– Санек, – озабоченно позвала Сорокина, – ты что? Недоспал? Голова кружится? Чего-то вид у тебя странный.

– Да нет, все путем. – Бухин стряхнул с себя наваждение – образ Дашки, с улыбкой берущей у него из рук кольцо.

– Так я говорю, что с режиссером-то этим будем делать? Чего ты его сюда не пригласил?

– Так вы же сами не велели, – растерялся Бухин.

– Это ж режиссер из театра, наверное, в котором она работала. – Сорокина кивнула в сторону спальни, где возле трупа заканчивали работу криминалист и эксперт.

Значит, если человек, которого Сашка не впустил в квартиру, – режиссер местной оперной труппы – очень неплохой труппы, между прочим, то тело в спальне – должно быть, певица этой самой труппы, не иначе... Да и афиши, развешанные по всей квартире, говорили об этом же.

– Труп кто обнаружил? – задумчиво спросил он.

– Да он же и обнаружил! Он же нас сюда вызвал. Кстати, у него и ключик от двери имеется... и это наводит на определенную мысль... Что, Саня, ночью то девки спать не дают, то работа? – сочувственно взглянула на него следачка.

Да, не спал – полночи книгу читал, полночи Даньку с Санькой по очереди утихомиривал. А мог хоть немного и вздремнуть! Дашка вот сразу вырубается, как только девчонки утомонятся. А он сдуру решил, что отоспится на суточном дежурстве. Знал же, что в ночь дежурства не то что поспать, присесть иногда бывает некогда! Особенно сейчас. Весна. Этим все сказано. Народ выходит на улицу, женский пол оголяет ноги и животы, а мужской заводит вокруг брачные танцы и петушинные бои. Плюс психи всех мастей, которым весна почему-то также не дает покоя. Хорошо, что хоть маньяков никаких не объявлялось, тьфу-тьфу через левое плечо... Что же он, выходит, от усталости даже не заметил, как режиссер открыл дверь своим ключом? Да, мало от него тогда проку как от опера... Нет, постойте... ну конечно, он же не видел, как дежурная группа попала в квартиру, – Сорокина еще у подъезда отправила его за понятиями!

Саша несказанно обрадовался тому, что он, оказывается, не спит на ходу. Хотя отдохнуть ему было нужно. Просто необходимо. Пока он не наделал на работе каких-нибудь неправых глупостей.

– Следов взлома вроде бы нет, – продолжала следователь. – А ты как, не заметил?

Бухин пожал плечами. Явных следов проникновения в квартиру покойной не было, но ответить на вопрос, открывали замок родными ключами или отмычкой, можно было только после заключения эксперта.

– Одна она жила? – допытывалась Сорокина, как будто Бухин был Господь Бог и все видел.

– Сейчас посмотрим, – невозмутимо сказал он и открыл двери ванной комнаты.

Следачка была права – жила артистка, возможно, и народная, весьма небогато. Ванная комната явно нуждалась в ремонте. Впрочем, старлей сейчас любое помещение оценивал с точки зрения ремонта. А в этой ванной ничего не делалось уже много лет. Плитка местами осыпалась, кран подтекал, потолок был залит соседями сверху. Да и саму ванну, с пожелтевшей, пористой и испещренной пролежнями эмалью, давным-давно нужно было бы сдать в утиль. Однако они с Сорокиной были не квартирными маклерами – их интересовали не интерьер и не состояние помещения, а совсем другое. Зубных щеток в стаканчике было две, также на полочке имелся крем для бритья, помазок, бритва и прочее, указывающее на проживание в квартире лица мужского пола. Конечно, можно предположить, что покойная брила определенные части тела, но то, что она пользовалась мужскими одеколоном и дезодорантом, это вряд ли.

– Похоже, муж или приходящий любовник имеется, – доложил он.

– Точно! – Сорокина также пришла к аналогичному выводу. – И я вот думаю, не наш ли это режиссер, а?

Старлею Бухину не хотелось делать скоропалительных заключений, поэтому он промолчал.

– Ладно, Саня, пока я все тут описывать буду, иди пообщайся с понятыми. Может, чего скажут. И бумажки просмотри у нее в столе, письма там или что другое, записки особенно – все внимательно...

– Слушаюсь, Маргарита Пална! – быстро согласился Бухин, потому что остановить излияния Сорокиной можно было только так.

\* \* \*

Труп артистки, пусть и народной, уже напрочь выветрился у него из головы, потому что вчера после работы он таки успел съездить с Дашкой в магазин, и даже не без пользы – они купили мойку, унитаз и умывальник. Сегодня им обещали все это привезти, и Бухин думал только о том, как бы не опоздать домой к назначенному времени доставки. А о трупе артистки, если честно, он вспомнил с трудом.

– Саша, ты спишь, что ли? – недовольно спросил начальник, Степан Варфоломеич Шатлыгин, по прозвищу Бармалей. – Сорокина твоей крови требует. Ты позавчера на труп выезжал?

Саша Бухин поймал полный сочувствия взгляд Кати Скрипковской, выразительно поднял брови и поджал губы.

– Я, Степан Варфоломеич, – кивнул он.

– Свяжись с Сорокиной, она тебе поручение выпишет, – велел начальник.

– С Сорокиной только свяжись, – хмыкнул кругленький и невысокий капитан Бурсевич. – Она по первое число выпишет...

– А может, кто-нибудь вместо меня? – нерешительно поинтересовался Бухин. – У меня реализация наметилась на этой неделе.

– Ты, Саня, наверное, Сорокину плохо знаешь, – предположил Бурсевич. – Если она чего захочет, то непременно сделает.

– Саш, давай я с тобой, – начала Катя и осеклась – начальство инициативы могло и не одобрить.

– Да отправляйтесь хоть все сразу! – Бармалей махнул рукой. – Дело это уже на контроле в главке, а нам велено обеспечить оперативную поддержку. Кто свободен, прошу не стесняться!

– А причина смерти какая? – поинтересовался Бурсевич у старлея.

Саша пожал плечами и смолчал. Неудобно было объяснять на оперативке, что позавчера, добравшись наконец до кровати, он буквально рухнул и отключился, забыв обо всем на свете, в том числе и о трупе певицы. Он спал тяжелым, непробиваемым сном, который не смогли нарушить никакие внешние раздражители. В их с Дашкой и детьми комнату периодически наведывались все члены семьи: начиная от его матери – врача-отоларинголога, которая, включив яркий свет, осматривала орущего младенца, и заканчивая озабоченной Санькиными воплями бабушки, пытающейся утихомирить правнучку народными средствами – уговорами, колыбельными песнопениями, а также укропной и даже святой водой. Но Сашку, провалившегося в сон, как в омут, не смогли разбудить ни звуки, ни свет, ни пение. Он спал, наверстывая упущенные часы отдыха, и поднять его смогло бы, пожалуй, только ведро ледяной воды, вылитой на голову. Однако, несмотря на то что старлей пробыл в отключке больше положенных для нормального самочувствия восьми часов, отдохнувшим себя он не чувствовал. За четыре месяца он недоспал не часы, а сутки или даже недели.

– Так чего, грохнули артисточку, что ли? – все не отставал от вялого старлея Бурсевич.

– Сама умерла, от старости, – ответил за Бухина капитан Лысенко – высокий голубоглазый блондин. – Пела, пела...

– И языком подавилась, – закончил за него начальник. – Игорь, ты вместо трепы включайся давай, а то видишь – Бухин на ходу спит. Катерина, правда, рвется в бой, но одной Катерины в этом деле маловато будет. А мне лысину уже с самого утра полируют – режиссер-то этот шустрый оказался, успел аж в Киев пожаловаться, что мы тут сидим и не чешемся...

– Так он сам ее и грохнул, – убежденно заявил капитан. – Знаем мы таких шустрых! Сам грохнул, и сам же в милицию заявил, что она пропала... так? Схема стандартная!

– Вот ты этим и займись, тем более что схема, как ты говоришь, стандартная, – тут же согласился начальник. – А то Сорокина...

– Я с Сорокиной работать не буду, – быстро сказал Лысенко и отвернулся к окну.

– Я знать не хочу, что вы там с Сорокиной не поделили! – резко поставил его на место Шатлыгин. – Или работай, как все, или увольняйся!

– Ну и уволюсь!

Лысенко вышел из кабинета, хлопнув дверью.

– Ничего, ничего, Степан Варфоломеич, – примирительно проговорил Бурсевич, который от природы обладал особым даром улаживать конфликты. – Сейчас все пойдем в театр как миленькие. И я, и Катерина, и Лысенко тоже пойдет...

– Уволится он! Артист! – все никак не мог успокоиться Шатлыгин.

\* \* \*

В театр, однако, отправились только старлей Бухин и капитан Лысенко, поскольку Бурсевича выдернули по срочному делу, а Катерина, у которой неожиданно сдвинулся безнадежный висяк, умчалась в прокуратуру.

Идти решили пешком – до театра было недалеко: подняться по Бурсацкому спуску и пройти недлинную улицу Рымарскую, когда-то тихую и прохладную, а теперь, пожалуй, ни то, и ни другое.

Лысенко был мрачен и, против обыкновения, неразговорчив. Бухин же так позавчера наобщался с Сорокиной, а потом со всеми домашними по очереди – и это не считая магазинов, – что с удовольствием шел молча. Не доходя метров пятидесяти до огромного здания оперного театра, он вдруг вспомнил, что так и не знает, отчего же все-таки умерла женщина, на смерть которой столь остро отреагировал режиссер. То, что умерла солистка, ведущая певица труппы, он узнал перед выходом. Однако о причине смерти спросить не догадался... Благодаря понятым еще позавчера он выяснил, что беспокойный режиссер, пожаловавшийся на них в столицу, был, судя по всему, ее любовником или гражданским мужем. Соседи часто видели их вместе, а в паспорте умершей штампа о браке не имелось...

– Так от чего же она умерла? – внезапно спросил он вслух.

– Ну, ты даешь, Саня! – покрутил головой капитан. – Ты же на труп выезжал – или я что-то не так понял?

Бухин пожал плечами.

– Сорокиной позвони, – мрачно посоветовал Лысенко.

Они уже дошли до театра, по обширному подиуму которого с гиканьем и грохотом катались мальчишки на роликах и скейтах, и уселись на лавочке у фонтана. Обычно словоохотливый и общительный, Лысенко молча достал сигареты и закурил, глядя куда-то в сторону парка, деревья которого уже одевались пронзительно-зеленой листвой. Бухин знал, что в прошлом году у капитана были какие-то трения со следователем Сорокиной, но у какого опера не бывает напрягов с прокуратурой? С одними следователями опера любят работать, с другими – не очень, но что случилось у Лысенко с Сорокиной, если он и дверью

сadanул, и даже уволиться пригрозил? Неужели?.. Но, пока из трубки шли длинные гудки, Бухин отмел свое нелепое предположение. О любвеобильном капитане Лысенко по Управлению ходили легенды, но чтобы он и Сорокина... нет, это просто невероятно. Сорокина совсем не в капитанском вкусе, да и вообще, насколько Бухин знал, Лысенко предпочитал женщин помоложе. А у Сорокиной к тому же еще и характер мерзкий. Значит... Он не успел завершить логическую цепочку, так как следователь неожиданно ответила ему.

– Маргарита Пална! – заорал Бухин в трубку, и от скамейки шарахнулся испуганный голубь. – Это я, – сообщил он, умерив голос. – Бухин. Ага, уже работаем. Конечно! Все, все работаем! Да, уже, можно сказать, на месте. Маргарита Пална, а... мне точно нужно знать... причина смерти какая? – осторожно поинтересовался он.

Сорокина неодобрительно забулькала, но старлей давно понял, что главное – не прерывать ее. Так она гораздо быстрее доберется до сути, чем если торопить и задавать наводящие вопросы. Она просто из тех женщин, которым непременно нужно выговориться.

– Ну что? – спросил Лысенко, когда он наконец дал отбой.

– Отравление. – Бухин пожал плечами.

– Дихлофос, снотворное... чем она траванулась?

– Предположительно токсин бледной поганки.

– Ничего себе! – присвистнул Лысенко, у которого в прошлом был неудачный опыт общения с грибами, закончившийся, впрочем, вполне благополучно. – Так вроде бы еще рано для грибов? Они в мае еще не растут. Или растут?

– Они в основном на рынке растут, – заметил Бухин. – Только не в этом дело. Патологи говорят, что грибов у нее в желудке не обнаружили. Только токсин в крови. И снотворное. Большая доза, но не смертельная.

– Снотворное не смертельное или токсин?

– Токсина столько, что слона убить можно. А снотворное – превышение раза в два. Скорее всего, хроническое привыкание к большим дозам.

– Ничего себе!

Информация так подействовала на капитана, что он даже временно забыл о своих разногласиях со следователем.

– Чтоб грибами травили, такого у нас еще не было. А сама она не могла, как думаешь?

– Сорокина говорит, что в квартире следов этого самого токсина нигде не нашли, а вот снотворное лежало у нее на прикроватной тумбочке. Она думает, концы в театре нужно искать.

Лысенко, честно говоря, было наплевать на то, что себе думает Ритка Сорокина. Ну, может, не совсем наплевать... Почти год назад они столкнулись в одном деле, и Ритка обозвала его скотиной, вернее бездушной скотиной, как помнится... Впрочем, он не стал ее разубеждать. На тот момент так было даже лучше. Но Сорокина при каждом удобном случае продолжала цепляться, как репей к бродячему псу, и это безмерно раздражало капитана. Да еще, судя по всему, высказывала свое мнение о нем вслух – неоднократно и всем желающим.

– Ладно, разберемся, – буркнул он, направляясь к служебному входу.

\* \* \*

– Кажется, мы заблудились...

На узкой лестнице мимо них протиснулись несколько молодых людей в обтягивающих трико и с сильно подведенными глазами. Один из них прижался горячим бедром к Бухину, а когда тот удивленно обернулся, выразительно ему подмигнул.

– Скажите, режиссера Савицкого где можно...

– Мы, вообще-то, не из той оперы, – томно произнес мускулистый красавец и положил руку на перила, напрочь перегораживая тесный проход. Он еще раз бросил на старлея выразительный взгляд и спросил: – А вы... из милиции... да?

– Да, – буркнул Бухин, не зная, как себя вести.

– А пистолет у вас... с собой?

– Всегда с собой, – подтвердил Лысенко, разглядывая сынов богемы. – А вы кто?

Между тем красавчик явно запал на Бухина и, игнорируя капитана, снова обратился к нему:

– Фигурка у вас классная. Танцами никогда не занимались?

– Айкидо, – кратко бросил старлей, уже пришедший в себя.

– Интересно, интересно, – пропел любопытствующий. – У меня всегда была мысль поставить балет с элементами айкидо. Айкидо – это не только спорт. Это почти танец. Такая выразительная пластика, напряжение, мужественность! Если бы я был режиссером... Не хотите поговорить об искусстве... ну, скажем, вечером за чашечкой кофе?

– Так Савицкого не видели? – не в тему снова спросил Лысенко.

– Вы не в то крыло зашли, – помог второй танцор, который до этого молча стоял у стены. – Оперные репетиционные направо, а здесь – мы.

– Большое спасибо. Пошли, Сашок. – Капитан живо развернулся и затопал вниз.

– Если хотите поговорить о Савицком, то зайдите часика через два, Саша, – все не отставал от Бухина красавчик.

– Если у вас есть что рассказать, то давайте прямо сейчас. – Бухин повернулся.

– Сейчас не могу. У нас репетиция. Давайте встретимся вечером, а? В кафе напротив театра?

– Там видно будет, – уклончиво пообещал старлей.

– Телефончик оставьте...

Догнав Лысенко уже внизу, Бухин пожаловался:

– Ничего себе, еле отделался.

– Да ладно, – ухмыльнулся Лысенко, – это еще что! Вежливо, на трезвую голову, и с разговорами об искусстве. А вот меня один раз даже лапали! И что? Пришлось терпеть... в интересах дела.

То ли потому, что было утро, то ли еще отчего, но театральные недра в оперном крыле были совершенно безлюдны. Подергав наудачу несколько дверей, они снова повернули направо и тут услышали звук.

– О! – сказал Лысенко. – Точно! Поют.

– М-ми-и-и, м-ми-и-и-и... Мм-ма-а, мма-а-аааа... Мм-о-о, мм-оооо... о-о-о... о-о-ооо... Мм-у-у, мму-у-у...

Капитан приоткрыл плотно пригнанную, обитую войлоком дверь, и звук вырвался на свободу. Впечатление было такое, что из тоннеля вылетел на полном ходу паровоз и оглушил гудком:

– У-у-у-у!

Лысенко отпрянул, а из помещения послышалась приятная мелодия и полились необыкновенной мощи и красоты звуки. Слов капитан не разобрал – пели на каком-то неизвестном ему языке.

– «Риголетто»<sup>1</sup>, – пояснил просвещенный Бухин.

---

<sup>1</sup> «Риголетто» – опера знаменитого итальянского композитора Джузеппе Верди (1813–1901). Премьера «Риголетто» состоялась в 1851 г. в Венеции.

Они опасливо заглянули в комнату. Рояль стих. У инструмента спиной к вошедшим сидела полная дама. Лысоватый, небольшого роста мужчина в синем поношенном свитере обернулся к двери.

– Кх-м, – кашлянул Лысенко, вертя головой и ища глазами источник невероятного звука. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответил человек в синем свитере обычным голосом, а дама удивленно повернулась. Кроме этих двоих и рояля, в комнате больше никого не было.

– Это вы здесь... пели?

– Я, – пожал плечами человек. – Алла Аркадьевна, простите, я сегодня совершенно не в голосе. Это мучение какое-то. Давайте отложим. Я пойду.

И тип в свитере протиснулся мимо визитеров.

– Эй, – растерянно позвал Лысенко, – простите! Извините, вы не могли бы...

Но певец уже ушел, аккуратно затворив за собой дверь.

Женщина у рояля вопросительно посмотрела на пришельцев.

– Капитан Лысенко, старший лейтенант Бухин, – представился капитан за двоих. – Как нам найти режиссера Савицкого, не подскажете?

– Я не знаю. – Концертмейстер нервно закрыла ноты и хлопнула крышку инструмента. – Может быть, в репетиционном зале. Не знаю. А вы насчет...

– Да, – подтвердил Лысенко. – Именно. А вы могли бы с нами поговорить?

– Я?... – растерялась дама. – Господи! О чем?

– Вы покойную хорошо знали?

– Оксаночку? Ну конечно...

– Так я с вами поговорю немножко, хорошо? – Капитан придвинул от окна стул. – Вы ведь свободны?

Дама невольно кивнула. Когда капитан включал свое обаяние на полную катушку, это действовало на женщин подобно пресловутому взгляду удава на кроликов.

– А ты, Саня, иди дальше, может, все-таки Савицкого найдешь, – велел напарнику он.

– Его, скорее всего, в это время еще нет, – запоздало сообщила Алла Аркадьевна, когда старлей уже скрылся из виду.

– Ничего-ничего, – заверил ее Лысенко. – Мы тут с вами побеседуем, а он еще кого-нибудь разыщет...

Пройдя пустынный холл третьего этажа, где солнце желтыми флагами лежало на паркете, Саша наугад свернул в первый коридор и наткнулся на дверь с табличкой «Канцелярия». Дверь оказалась незапертой, и поэтому старлей без стука ввалился в помещение, где на него неодобрительно воззрилась пожилая женщина в черном, вышитом бисером платье. Женщина чем-то напоминала черепаху.

– Стучаться надо, молодой человек, – скрипучим голосом сказала она.

– Извините, – пролепетал Бухин. Ну надо же, после того как они стучали в десятка два запертых дверей, первая же, ручку которой он наугад дернул, оказалась открытой!

– Вы из милиции, конечно?

– Да, – ответил Бухин и покраснел.

– И что вы хотите?

– Лё-ле-чка! А вот... – Внезапно впорхнувшая в комнату особа остановилась на полуслове и вопросительно посмотрела на гостя.

– Из милиции, – хмуро объяснила хозяйка. – Ворвался, как к себе домой! Так что вы хотели?

– Извините, – выдавил Бухин. – Я случайно... Никого нигде нет... Я уже все обошел. Еще раз простите за вторжение.

– Ну-ну, – хмыкнула «черепеха». – Конечно, нигде никого нет! Никто никуда не спешит, отсыпаясь все, так уж у нас заведено!

– Мне нужен режиссер Савицкий. Вы не могли бы мне помочь? – почти заискивающе спросил Бухин, все еще переживая свое невежливое появление.

– Елена Николаевна, заведующая оперной труппой, – наконец соизволила представиться хозяйка кабинета, по-прежнему сверля милицейское лицо недобрым взглядом. – Да, а это наш концертмейстер, Тамара Павловна, – нехотя представила она пришедшую. Видно было, что разговаривать с невоспитанным визитером она не желала, но приличия, как говорится, хотела соблюсти.

Внезапно Бухин увидел на столе у хозяйки книгу.

– Вы знаете, это самая потрясающая книга, которую я читал за последние двадцать лет! – объявил он.

Хозяйка взяла в руки роман Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», и взгляд ее смягчился.

– Я тоже так думаю, – сказала она. – И кстати, сколько же вам лет, молодой человек?

\* \* \*

В кармане запиликал телефон.

– Извините. – Саша деликатно отвернулся в сторону.

– Я в отдел, – сообщил голос Лысенко. – Ну что, нашел еще кого-нибудь?

– Да.

– А Савицкого?

– Пока нет.

– А сам скоро?

– Еще не знаю, Игорь, – задумчиво сказал Бухин. – Интересный разговор.

– Ну, это хорошо, – одобрил капитан, дал отбой и вышел из сумеречного служебного вестибюля под сияющее майское солнце.

Прямо у двери на корточках сидел голубоглазый ангел в маечке и потертых джинсах и кормил толстую полосатую кошку. Кошка, урча, поедала из мисочки творог, а ангел отталкивал в сторону нахального черно-белого кота, норовящего добраться до угощения, и говорил:

– Ешь, Мура, ешь...

– А этому почему не даете? – Лысенко присел рядом с ангелом.

– Этот не беременный. – Ангел снова довольно бесцеремонно отпихнул кота и поднялся, отряхивая джинсики. – Бедная Мура!

Кошка, доев приношение, благодарно терлась о ноги ангела. Примерно год назад капитан тоже стал неравнодушен к усатым-полосатым.

– Игорь, – представился он. – Кстати, у меня тоже есть кот. Может быть, он даже родственник вашей Муры!

Ангел вскинул на него небесного цвета глаза и заправил прядь золотых волос за маленькое круглое ухо. Представиться он не успел, потому что из открывшейся двери служебного входа показалась некая фигура и недовольно спросила:

– Вы у меня на сегодня записаны. Заниматься будете?

– Да, конечно. – Ангел подхватил с земли пустую мисочку и заспешил в театр.

\* \* \*

– ...Тома, я тебя прошу!

– Брось, Лёля, об этом все знают. И если я не расскажу, то расскажет кто-то другой. А я буду объективна...

– Я знаю, что ты будешь объективна... учитывая твою пылкую любовь к Кулиш! – Завтруппой иронически взглянула на подругу. – И если Оксана все-таки умерла своей смертью, Тома, то тебе потом будет неловко.

То, что прима Оксана Кулиш умерла не своей смертью, Саша Бухин знал совершенно точно. Поэтому он поощрительно взглянул на Тамару Павловну и кивнул. «Черепашка» в расшитом бисером платье поджала губы.

– Она была любовницей Савицкого довольно давно, – немного помолчав, осторожно сообщила концертмейстер и быстро взглянула на подругу. Но та сидела с непроницаемым лицом и молчала. – Это... э... началось почти сразу же, как Кулиш пришла в театр, то есть... лет десять уже. Или больше... Вам нужны точные даты?

– Нет, необязательно.

– Да, такая, знаете... милая была девочка.

Завтруппой хмыкнула, но ничего не добавила.

– Ну и не без голоса, конечно. Сначала она занималась со мной, но у нас как-то не сложилось, и с тех пор она все свои партии пропевает с Аллой... Аллой Аркадьевной.

– И что же, у них с Савицким сразу начались отношения?

– Нет... я бы не сказала. Но она, кроме всего прочего, оказалась довольно честолюбива. Много занималась, я помню.

– В основном являлась, чтобы глазки Савицкому строить, – ядовито вставила завтруппой.

– Лёлочка! Ты же сама просила быть беспристрастной! И к тому же она умерла!

– Все мы умрем, – спокойно парировала подруга. – Даже ты и я!

– Да... Господи, ты меня сбива своими замечаниями...

– Потому что я просила тебя просто говорить все как есть, а не делать из Кулиш милую и добрую девочку, когда там и близко такого не лежало! Если хотите знать правду, Оксана была еще той стервой...

– Она первая завела отношения с Савицким, так?

– Ну, мы свечку не держали, – снова не выдержала завтруппой. – Но Оксана явно его ловила. Ну, учитывая, что Савицкий сам не ангел... Однако ему эта всеобщая влюбленность щекотала самолюбие. Ну, чего ты-то краснеешь, Тома? Мы с тобой ему давно уже не интересны! Я просто констатирую тот факт, что не было такой молодой певицы, с которой он не завел бы интрижку. Не говоря уже о поклонниках. Но вот Лариса... Ларису было жалко.

– Лариса – это...

– Это его жена. До того как Кулиш отобрала у нее почти все первые партии, Лариса была примадонной.

– А что, жена не возражала против увлечений мужа? – спросил Бухин с интересом.

Оказывается, режиссер был весьма любвеобилен, и это наталкивало на определенные мысли. Спать старлею уже давно расхотелось, разговор тек в нужном ему направлении, и даже поощрять этих милых театральных дам не было надобности.

– О, Лара сначала просто сходила с ума, даже сцены устраивала прилюдно, но потом, знаете ли, все как-то образовалось. Из семьи он не ушел, хотя, я думаю, Оксана на это очень надеялась.

– Разумеется, надеялась! Уж я-то знаю, она такие истерики ему на гастролях закатывала! Вы не против, если я закурю? – спросила завтруппой.

Бухин не курил, поэтому никак не смог помочь даме. Однако та, не обращая внимания на замешательство гостя, ловко щелкнула зажигалкой, помахала в воздухе сухой лапкой, разгоняя дым, и продолжила:

– Да, Оксана хоть и выглядела этаким романтической девочкой, на самом деле была цинична и практична до крайности. А Лара успокоилась, тем более что она сама в театре все реже бывает, практически уже не поет...

– Хотя еще могла бы... Могла бы! – с жаром воскликнула вторая музыкальная дама. – Какой был голос! Все мелькает – голоса, люди, отношения, – философски изрекла концертмейстер. – Но все равно – какой голос! Как она пела Аиду!

– А у покойной тоже был выдающийся голос? – поинтересовался Бухин.

– У Оксаночки? О, у Оксаны тоже прекрасный голос... был.

– Что, Тома, всегда нужно следовать правилам хорошего тона? О покойниках либо хорошо, либо ничего? Ну, мы уже достаточно тут наговорили, чтобы не начинать врать! Это молодой человек не заметил бы никакой разницы между Кулиш и Ларисой... Простите?... – Она повернулась к Бухину, но тот не возражал.

Тогда Елена Николаевна поджала губы и сделалась еще более похожей на черепаху. Она не спеша прикурила следующую сигарету, презрительно посмотрела на обгорелую спичку в пепельнице и продолжила:

– Раз уж ты сама завела этот разговор, то, по крайней мере, будь честной... Ты сама знаешь, что Оксана Ларисе в подметки не годилась. Ты же, как профессионал, прекрасно ощущала разницу.

– Лёля, я не то хотела сказать, – стушеввалась концертмейстер. – Я просто говорила, что у Оксаны был яркий сценический талант.

– Ради бога, не делай из нее Лину Кавальери!<sup>2</sup> И талант, и голос у нее были весьма средние, – едко заметила завтруппой.

Шел уже третий час так называемого чаепития, хотя чай употреблял только старлей, а обе его собеседницы предпочитали сигареты. После недолгого молчания, связанного с некоторыми разногласиями в оценке творчества Лины Кавальери, о которой Бухин имел весьма смутное представление, разговор снова повернул в нужное ему русло – к личности покойной певицы и отношениям в труппе. Кто, когда, с кем, как... Он был более чем уверен, что смерть оперной дивы напрямую связана с кем-то из труппы, скорее всего, с ее любовником – Савицким.

– И что же, – спросил он, – после своего прихода в театр она сразу получила первые роли?

– Партии, – поправила его завтруппой. – Ведущие партии.

– Конечно нет. Тамара Павловна придвинула поближе к Саше вазочку с печеньем. Этим жестом она, наверное, хотела сказать, что они здесь просто пьют чай и мило беседуют, но уж никак не сплетничают или – упаси боже! – не доносят. – Сначала она стажировалась...

– Да, и очень удачно. Так удачно, что сразу залезла к Андрею Всеволодовичу в постель, – проскрипела завтруппой. – Естественно, это очень помогло... развитию ее голоса! И сценического дарования, разумеется. А уж после этого началось и самое интересное. Лариса болела, и Оксана подменила ее раз, потом другой, и – вуаля! – Андрей сделал ее примой! А ведь кроме нее в труппе на тот момент было еще два великолепных сопрано. Как раз возобновили «Травиату» – в новом составе, и специально для Кулиш. И это притом, что «Травиату» Кулиш не вытягивает. В речитативе перед арией делает такой незаметный переход – и поет на полтона ниже! Каково?! Вы думаете, что в зале сидят одни профаны? Пенсионеры? Люди, которым все равно? Это просто позор! Даже мне, которая не должна вмешиваться в музыкальную часть, было стыдно. А Савицкий совсем потерял голову от этой

---

<sup>2</sup> Лина Кавальери (1874–1944) – итальянская оперная певица, выступавшая на знаменитых оперных сценах мира в паре с самыми выдающимися исполнителями – Э. Карузо, Т. Руффо, Л. Мураторе – и известная больше не своим музыкальным дарованием, от природы небольшим, а красотой и артистизмом.

девчонки и шел у нее на поводу! Он во всеуслышание заявил, что Рената Тибальди<sup>3</sup> тоже так пела, он поговорил с дирижером, и тот Кулиш разрешает. Разрешает! Я представляю, чего ему это стоило! Цирковые номера просто!

Саша Бухин согласно кивал, не понимая и половины сказанного. Впрочем, самое главное он все же улавливал.

– А скажите, Елена Николаевна, вы во вторник Кулиш в театре видели?

– Конечно. – Завтруппой удивленно взглянула на него. – У нее во вторник был день рождения, и мы все ее видели. После репетиции мы собрались, накрыли стол...

– А что ели? Грибы, например, на столе были?

– Грибы... да, грибы были. Мы с Томой любим грибы. Тома сама собирает.

– Да, я принесла две баночки грибов, – волнуясь, сказала концертмейстер, – а что?

– Согласно заключению экспертизы, Оксана Кулиш умерла от пищевого отравления.

– Только не грибы, – убежденно заявила концертмейстер. – Грибы ели я, Лёля, Лариса... да все ели!

– А что еще было на столе?

– Куры гриль, колбаса, огурчики-помидорчики... сыр... хлеб. Ну и сладкое. Лариса заказала шикарный торт.

– А почему жена Савицкого заказала торт для его любовницы? – спросил озадаченный Бухин.

– Лара всегда заказывает торты на все праздники. У нее поклонница работает в кондитерском цехе.

– А торт какой? Не с белковым кремом?

– Нет. Оксана любит марципановый, и Ларочка именно его и заказала. Такой, знаете, огромный роскошный торт.

– А кто его резал?

– А никто не резал. Он был такой... каждый кусочек отдельно, в своей салфеточке. Все кусочки треугольные, а посередине один круглый. А на нем...

В дверь постучали.

– Тамара Павловна, а я вас ищу... – Вошедшая было девушка осеклась, увидев в кабинете целую компанию.

– Анечка, вы что-то хотели?

– Да, я с вами занималась и, кажется, оставила в кабинете партитуру. А он закрыт. А партитура библиотечная. – Пришедшая стушевалась. – Я думала... я позже зайду, простите. – И она тихонько прикрыла за собой дверь.

– Вот это настоящий талант! – воскликнула концертмейстер. – Голос совершенно потрясающий. Потрясающий! Поверьте мне! Я уж в этом разбираюсь. Ну и что? Дали ей здесь что-нибудь спеть? Когда мы с ней готовили Виолетту в «Травиате»<sup>4</sup>, я просто была на седьмом небе. Такое наслаждение было с ней работать! Голос... такой изумительный голос рождается раз в сто лет, поверьте! А какие возможности! Кажется, что верхнего предела для нее вообще не существует! И эта роль просто была создана для нее. Виолетта – эфирное создание, больная чахоткой...

Искавшая потерянную партитуру симпатичная блондинка явно не была больна чахоткой, но эпитет «эфирное создание» к ней подходил чрезвычайно.

---

<sup>3</sup> Рената Тибальди (1922–2004) – выдающаяся оперная певица с мировым именем. В киноверсии оперы Дж. Верди «Аида» (1957) голосом Тибальди поет актриса Софи Лорен.

<sup>4</sup> «Травиата» – опера Дж. Верди (1813–1901), одна из самых знаменитых мировых опер. Премьера «Травиаты» состоялась в 1853 г. в Венеции. Виолетта – главная героиня оперы, куртизанка, умершая от туберкулеза. Опера была написана по мотивам романа А. Дюма-сына «Дама с камелиями». Реальным прототипом Виолетты послужила парижская куртизанка Мари Дюплесси, славившаяся не только своей красотой и умом, но также добрым сердцем.

– Лара тоже прекрасно пела Виолетту, прекрасно... Я помню, сколько я получала удовольствия от работы с ней! Я ведь была ее концертмейстером. С Ларисой вообще работать очень приятно. Но одно дело – пропевать партию в классе у рояля, и совсем другое – на сцене. Нужно уметь двигаться. Я не режиссер, но я, например, прекрасно вижу, кто умеет двигаться, а кто нет. Да и вообще, движение в опере многие почему-то считают второстепенным, а это в корне неправильно! Я никак не могу согласиться с этим ошибочным мнением, никак! Ну, кроме всего прочего, Лариса всегда была малосценична, и у нее лишний вес, а в последнее время она уж слишком...

– Кроме всего прочего, Тома, ты ее почему-то недолюбливаешь, – перебила подругу Елена Николаевна. – А она ведь больной человек... Кроме того, голос у нее все-таки мирового масштаба, и ей необязательно скакать козлом на потеху залу!

– Лёля, я с тобой в этом вопросе просто категорически не согласна! Это абсолютно неверно! Почему в опере в большинстве своем никто не считает нужным играть? Это ведь прежде всего драматический спектакль. Ну, даже если и комический... тогда тем более нужно двигаться! А очень многие этого не понимают! Станут столбом и голосят. Однако опера – это не концерт. Да, конечно, я знаю, они не совсем виноваты – виновата система обучения. Балетным проще. У них все по-другому. У них пластика – это непосредственно язык. А консерватория этому не учит. Да... Актерское мастерство либо дано от природы, либо нет... А чтобы и голос, и драматический талант вместе...

– Я как-то в молодости, – задумчиво произнесла «черепах», – видела «Фиделию»<sup>5</sup> в постановке Покровского<sup>6</sup> и запомнила на всю жизнь. Какая у него была Леонора! Юная, быстрая, неожиданная, летящая!..

– Я тебе о том битый час толкую, – кивнула концертмейстер. – Эта роль и Аня Белько были просто созданы друг для друга. Уже начались репетиции, и тут он объявил, что эта партия не для начинающей певицы. Это Аня-то начинающая? Да она любую здесь заткнет за пояс! Просто Савицкому вожжа под хвост попала. Он взял и поставил на премьеру Ларису... С ее-то лишним весом! Хороша она была в коротких штанах... да уж!.. И все. Конечно, запорол оперу. Да и не в штанах было дело... Она просто еле ползала по сцене. Как дохлая муха, извините меня, конечно! Да, голос – это еще не все.

– У Оксаны тоже хватало лишнего веса, да и двигалась она из рук вон плохо, однако же в роли Леоноры она имела успех, – возразила подруге завтруппой. – Она умела... как вам сказать... выразить саму идею. И если пела, скажем, на итальянском, то в зале даже те, кто понятия не имел, о чем идет речь, прекрасно все улавливали.

– Да, это так, – кивнула концертмейстер. – Это у нее было. Это правда. Я не люблю... не любила Кулиш, но нужно отдать ей должное – она умела держать зал. Да и вообще, она отличалась повышенной чувствительностью. Иногда подумаешь о чем-нибудь, а Оксана уже это озвучивает. Или посмотрит в окно и скажет: «Через два часа пойдет дождь». И дождь действительно шел!

– Ровно через два часа? – усомнился Бухин.

– Ну, более или менее... – Внезапно Тамара Павловна побледнела. – Вы знаете, что она мне сказала? – прошептала она. – Неделию назад она сказала: «Я чувствую, что скоро умру».

---

<sup>5</sup> «Фиделио» – опера Людвиг ван Бетховена (1770–1827). Леонора – главная героиня оперы, выдающая себя за мужчину по имени Фиделио.

<sup>6</sup> Покровский Борис Александрович (1912–2009) – выдающийся российский режиссер, многие годы работавший главным режиссером в Большом театре.

## Из дневника убийцы

Я чувствую, что скоро умру. Это чувство не покидает меня с самой зимы. Сначала я нервничала и трусила, а потом какое-то странное умиротворение снизошло на меня. Жизнь шла своим чередом, а я стояла как бы немного в стороне и наблюдала. И просто знала, что умру, и все. Но уже не боялась. Наверное, действительно ничего страшного в этом нет, все мы смертны. Однако потом, по прошествии какого-то времени, я вдруг поняла – для того чтобы обрести бессмертие, нужно, чтобы о тебе помнили как можно дольше. Ведь пока тебя помнят, ты живешь, ты существуешь. Вот почему в последнее время я стала ужасно беспокойна и деятельна. Я знала, что мне нужно торопиться, нужно все, все успеть... хотя и понимала, что ничего уже не успею. Но у меня есть шанс... я верю, что есть. И только от меня зависит, как я использую эту небольшую возможность. Использую до того, как меня не станет.

Позавчера я шла из театра домой и вдруг купила эту веселенькую тетрадь. Почему я выбрала именно такую – с яркой обложкой и дурацкими цветочками? Ведь она совсем не соответствует ни моему настроению, ни тому, что я задумала. Или же это говорит о двойственности моей натуры? О том, что я привыкла к вечному притворству? Но, скорее, дело было в том, что мне давно хочется выбраться из этого серого города, увидеть за окном цветущий луг, горы, море, небо... Бескрайнее голубое небо, не ограниченное ничем, не занятое громоздкими силуэтами уродливых городских домов...

Какова бы ни была подоплека моего поступка, я остановилась у лотка и купила эту тетрадку. А придя домой, записала в нее то, что в последнее время мучило меня – мысли о смерти. И оттого, что я написала об этом, мой страх как будто стал меньше. И даже если он не уменьшился, то все же отодвинулся, ушел, спрятался и больше не преследует меня. Во всяком случае, сегодня я спала спокойно.

Перечитала написанное вчера и удивилась. Зачем я вообще начала этот дневник? Ведь с самого детства я ничего не поверяла бумаге! Однако мое удивление быстро прошло, и, едва успев сделать свои нехитрые домашние дела, я снова вернулась к этой толстой и пока почти пустой тетради. Мне вдруг ужасно захотелось писать – прямо сейчас. И я поняла, что весь день хотела именно этого – вернуться домой и раскрыть тетрадь. Сесть и вылить на чистые листы все, что творится у меня внутри. Наполнить эту тетрадь содержанием. Вдохнуть в нее жизнь... или смерть? Наверное, когда писатель начинает книгу, он еще не знает, будет ли она о жизни или о смерти. Так и мой дневник. Сейчас я на распутье и еще не знаю, в какую сторону поверну...

Сегодня был тоскливый бесконечный день – до краев наполненный мелочными дрязгами, которыми так богат наш одаренный коллектив. И почему-то сегодня мне было особенно мерзко в этом участвовать. Наверное, потому, что я весь день вспоминала детство. Пыталась понять, когда же именно стала себя осознавать. Не как личность, а просто – осознавать. Первое мое воспоминание – это какая-то женщина с длинными волосами, освещенная мягким светом ночника. Комната мне не запомнилась – скорее потому, что предметы тонули в полумраке, но саму женщину я помню очень отчетливо. На ней ночная сорочка – белая с черными розочками, и она расчесывает длинные русые волосы. Лицо ее неясно: она стоит в такой позе, что я вижу только сорочку, волосы, ее руку и часть щеки. Волосы потрескивают от трения о гребень, и в темноту от них отлетают синие искры. Когда я рассказала об этом воспоминании бабушке, она рассердилась и заявила, что я все напридумывала. Что я увидела в комодке ее старую сорочку и вообразила себе бог весть что. Но я очень точно помню! Эта картинка врезалась в мою память так прочно, что в любой момент я могу воспроизвести ее во всех деталях. Причем ракурс как раз получался такой, как если бы я лежала на кровати.

Но бабушка говорит, что остригла свои волосы, когда мне было три месяца, потому что я все время за них хваталась. И у нее не было времени следить и за мной, и за волосами. И что я не могу помнить этого. У маленьких детей память несовершенна. Я ничего не знаю о свойствах памяти, но иногда мне кажется, что я помню не только то, что было в этой жизни, но и то, что происходило давным-давно. Может быть, сто лет назад. А может, еще раньше.

Меня вырастила бабушка. Кроме нее, в моей жизни никогда не было по-настоящему близких людей. Странно, что в детстве я не задавалась вопросами: куда делась моя мать и кто мой отец? У меня не было матери и отца, как у других детей, с которыми мне приходилось общаться, и они были мне не нужны. У меня были бабушка и моя музыка – и этих двух огромных миров было достаточно.

Мое детство почему-то делится на странные периоды: примерно лет до десяти в моих воспоминаниях всегда лето. Жаркое лето, почти без дождей. А если и бывают дожди, то это скоропроходящие грозы – великолепные явления с театральными эффектами, барабаном и литаврами, после которых под аплодисменты толпы дают занавес и дворники сгребают в кучи сломанные ветром сучья. И после краткого антракта снова воцаряются жара и лето.

Мы живем совсем рядом с вокзалом, с краю большой вокзальной площади, в старом солидном доме с толстыми стенами и высокими потолками. Наша квартира на первом этаже, и окна всегда плотно занавешены белым тюлем – бабушка не любит посторонних взглядов. Но я, проходя мимо, как будто проникаю сквозь кружевную преграду и вижу наши комнаты – старый четырехугольный стол, старинные напольные часы с хриплым голосом, желтые стулья с прямыми спинками и бабушкин письменный стол с зеленой фланелью на столешнице, кое-где испачканной чернильными пятнами. Странно, что, не застав чернил, я, едва увидев эти пятна, тут же поняла их происхождение...

Я очень самостоятельная девочка. Каждый день я хожу в булочную мимо шума и суеты, царящих у вокзала. Но я не подхожу к написанному огромными буквами расписанию поездов, чужие города и страны не будоражат мое воображение, а звуки их названий не вызывают никаких воспоминаний. Их еще попросту у меня нет. Так же неинтересны мне продавцы всевозможных товаров – от мороженого и жареных пирожков до разнообразной игрушечной дребедени, выставленной в многочисленных ларьках снаружи и внутри здания вокзала. Я не буду ничего у них покупать. Я иду за хлебом – через день мы с бабушкой берем батон и кирпичик белого хлеба, хрустящую горбушку которого я так люблю намазывать маслом. Черного хлеба мы не едим – у бабушки от него болит живот, а мне никогда не нравился его вкус.

Удивительно, что до десяти лет, во времена вечного лета, меня совсем не трогает то, что будет очень интересовать потом – куда едут все эти люди? Что ждет их на том конце путешествия? Отдых? Работа? Новые впечатления? Старые друзья? Я нелюбопытный, замкнутый ребенок, погруженный в мир собственных фантазий. И мне нет до суетящейся толпы никакого дела. Вокзал интересен мне только по ночам, когда оттуда доносятся тоскливые, тревожные звуки, – это перекликаются поезда, словно большие опасные неповоротливые животные. Днем их голоса перекрывают аморфный шум привокзальной суеты, скрежет трамваев, въезжающих на конечный разворотный круг, и сухой шорох автомобильных шин, так напоминающий шелест и треск иглы на грампластинке. И только по ночам эти звуки, образующие то квинту, то большую терцию, слышны почти без примесей, во всей своей чистоте и какой-то небывалой притягательности...

Однако меня никогда не тянет на мост, как других детей из нашего двора, – смотреть на тепловозы, издающие эти звуки. Мне не нужно их видеть. Иногда, мельком, я наблюдаю их из окна трамвая, с грохотом проезжающего по мосту. Однако для меня неинтересна картинка, открывающаяся моим глазам. Я давно поняла, что зрение для меня – не первостепенно. Кроме того, я не хочу рассматривать их подробно, боясь разочароваться в увиденном.

Мне достаточно того, что я слышу их голоса. Ведь звуки для меня с самого детства были главными. Для меня важным было не видеть, но *слышать*.

В первом классе я пошла сразу в две школы – обычную и музыкальную. В школу явился кто-то – сейчас уже не помню кто, – и на уроке пения нас по очереди подводили к пианино и заставляли петь и хлопать ладошкой. Потом мне дали какую-то бумажку, и я отнесла ее домой. А на завтра бабушка взяла меня за руку и привела в музыкальную школу, которая в самом скором времени стала для меня главной. Школа была совсем рядом, почти возле вокзала. Наверное, поэтому бабушка так легко согласилась меня туда записать. Не знаю, что было бы со мной, находишься музыкальная школа на другом конце города. Возможно, вся моя жизнь тогда сложилась бы иначе, потому что вряд ли бабушка отпускала бы меня, не отличавшуюся ни ростом, ни здоровьем, почти ежедневно совершать долгое и небезопасное путешествие.

Однако школа находилась в пределах нашего квартала, посередине тихой улочки. По дороге бабушка попросила меня спеть песню, которую я хорошо знала, и, хотя она казалась мне скучной и не нравилась, я согласилась. Я до сих пор прекрасно помню день моего поступления в музыкалку: и желтый нарядный клен у входа, и прохладный зал с двумя роялями – прежде мне никогда не доводилось видеть вблизи этот инструмент; и мужчину, который ласково поднял меня и поставил на подиум. Ростом я тогда действительно не отличалась – когда первого сентября нас, первоклашек, выстроили во дворе школы на линейку, я оказалась предпоследней.

Так вот, меня воздвигли рядом с роялем, и мужчина, который впоследствии оказался завучем, спросил меня, что бы я хотела спеть. Я сказала. Бабушка покраснела. Это была совсем не та песня, о которой мы договаривались по дороге сюда. Но мужчина весело засмеялся, сел на круглый табурет и заиграл, а я запела. Меня похвалили, и я, расхрабрившись, бойко отстукала мелодию по лаковой крышке рояля. Помню, мне понравилось, что инструмент был таким огромным и гулким.

Позже, когда я спустилась с подиума по трем истертым ступенькам и отправилась разглядывать портреты на стенах зала, я услышала, как бабушка сказала: «Нет-нет, скрипка тяжелый инструмент для девочки. Только фортепьяно». Мужчина вздохнул и согласился.

Детство до десяти лет – это бесконечный Черни<sup>7</sup>, тополиный пух, пыль на тротуарах, горячий июньский ветер, развевающий мои длинные волосы, которые во время каникул не заплетали в косы, и два табеля, лежащие на нашем старом пианино в гостиной. В общеобразовательной школе я училась из рук вон плохо. Успевала, пожалуй, только по литературе. Из музыкалки же, напротив, носила сплошные пятерки. Я не задумывалась о том, что тупа в математике. Я жила музыкой, звучащей отовсюду. Я не обращала никакого внимания на неправильно решенные дурацкие задачи – ну какое, скажите, мне было дело до двух мальчиков с их несъедобными яблоками? Или до бассейна, который никогда не наполнится доверху, потому что воду в него не только вливают, но и зачем-то выливают?

Внутри меня шла бесконечная звуковая дорожка, собранная из десятков и сотен различных звуков, как музыкальных, так и не имеющих к музыке никакого отношения. И эти звуки переплетались самым причудливым образом, образовывали простые и сложные интервалы, разрешающиеся то в миноре, то в мажоре. Я весьма и весьма удивилась бы, расскажи мне кто-нибудь, как близок мир гармонии, выстроенный с высокой точностью, к миру чистой математики, но задумываться об этом я стала только сейчас. А во времена школьного детства я куда больше переживала оттого, что мои маленькие, но крепкие пальцы допускали крохотную неточность и звук запаздывал на одну тридцать вторую секунды, нарушая строй-

---

<sup>7</sup> К. Черни (1791–1857) – австрийский композитор, пианист и педагог. Музыкальное наследие К. Черни включает в себя огромное количество этюдов для фортепьяно.

ную музыкальную ткань. А тот факт, что решение математической задачи, полученное мной, очень редко сходится с ответом в конце учебника, меня отчего-то совершенно не волновал.

Игрушек у меня было мало, ведь я никогда их не просила, мне хватало музыки. Даже если у меня и появлялась какая-нибудь красивая игрушка – кукла или плюшевый мишка, – сюсюкать с ними, кормить или укладывать их спать мне не приходило в голову. Единственное, что я делала, это усаживала своих подопечных у пианино и играла, изредка интересуясь, нравится ли им музыка, и неизменно получая в ответ вежливую похвалу.

Первые счастливые, как и первые несчастные, воспоминания в моей жизни также связаны с музыкой. В третьем классе меня перевели из обычной школы в специальную – и это было большим облегчением, потому что никто теперь не пытался сделать из меня математика или ботаника. И даже обожаемая мною литература временно отодвинулась куда-то на задний план, потому что в новой школе я решила непременно быть первой по всем музыкальным предметам.

Примерно на третьем занятии хоровичка взяла меня за руку и поставила перед всеми, а девочку, которая до этого пела соло, попросила встать в середину. Не помню, как я пела, – слишком неожиданно все произошло. Но вспоминаю, что была очень счастлива и меня буквально распирало от восторга, как воздушный шар. Мне даже казалось, что я не иду, а плыву, не касаясь подошвами земли. Однако когда я вышла из школьных ворот, чтобы идти домой, ко мне подошла та самая девочка и изо всех сил ударила портфелем по моей блестящей нотной папке, которую бабушка купила к новой школе. Папка с треском лопнула, и тесемки с остатками бумажных лохмотьев повисли у меня в руке. Мои ноты, тетрадь по истории музыки – все оказалось в луже. Я ошалело смотрела, как девочка – я даже не знала ее имени! – наступила своим щегольским ботиночком прямо на середину нотной тетради, утопив ее в грязи. Я тупо смотрела на ее лаковые ботиночки – даже не на свою погибшую тетрадь, а именно на эти ботинки. Лужа была глубокой, и вода наверняка затекла внутрь их, и мне было жаль всего сразу: и папки, и этих чужих нарядных ботинок с пушистой меховой оторочкой, каких у меня никогда не будет, потому что у нас не всегда хватало на чай и сахар. Но более всего мне было жаль своего утраченного ощущения полета – тот радостный воздух, который наполнял меня, испарился без следа, вытек в какую-то пробитую этими ботинками брешь. И еще долго после этого случая я ходила как пришибленная, и даже моя любимая музыка не поднимала меня в горние выси...

Кукол у меня было всего две – и обе слишком большие, слишком парадные, чтобы ими можно было играть. Обычно эти разнаряженные девицы сидели, надувши губки, в глубоком кресле и обижались на меня, поскольку я их вечно игнорировала. Их громоздкая красота не шла ни в какое сравнение с увлекательным занятием, к которому меня приобщила бабушка. Однажды она нарисовала мне бумажную куклу, вырезала ее и наклеила на картон, а затем показала, как можно делать ей одежду. Процесс самостоятельного творчества так захватил меня, что у моей Сони вскоре скопилось три коробки нарядов. А потом, повинувшись какому-то наитию, я соорудила кукле костюм Кармен. Помнится, мне тогда очень нравились испанские платья, кастаньеты, ритмы фламенко. Предысторией этого увлечения была не бессмертная опера Бизе<sup>8</sup>, а то, что бабушка взяла меня с собой на фильм Сауры<sup>9</sup> «Кармен». Фильм был совсем не детский, но, как я понимаю, меня в тот вечер просто некуда было девать. Сауровская «Кармен», произведшая на меня сильное впечатление, каким-то образом

<sup>8</sup> Жорж Бизе (1838–1875) – французский композитор периода романтизма, автор всемирно известной оперы «Кармен».

<sup>9</sup> Карлос Саура – известный испанский кинорежиссер. Снятый им в 1983 г. фильм «Кармен» номинировался на премию «Оскар», получил приз жюри Каннского кинофестиваля и многие другие награды.

наложились на «Кармен» Мериме<sup>10</sup>, которую я на следующий день взяла в школьной библиотеке.

Три гения – Мериме, Бизе и Карлос Саура – сделали свое дело: я долго ходила как больная под впечатлением увиденного, услышанного, прочтенного и переосмысленного моей неумной фантазией. Романтический Бизе мешался с гортанным и нарочито грубым испанским народным пением, оркестр перебивался перестуком кастаньет и грохотом каблучков по балетному подиуму, и даже во сне меня преследовала навязчивая хабанера... Впервые я попробовала петь оперу. Я то мурлыкала себе под нос, то пробовала свои силы в полный голос. Вполне естественно, что моя Соня тут же стала Кармен. Но... Кармен без окружения была всего лишь куклой с кучей нарядов. Чтобы преобразить ее в коварную цыганку, мне понадобился Хосе. Бабушку, которая рисовала очень хорошо, я не стала посвящать в свои фантазии и изобразила Хосе сама, как умела. Помнится, он был ниже Сони-Кармен на голову и вышел кривобокий. Однако кинжал, которым я снабдила своего Хосе, с лихвой искупал его физические недостатки и придавал зловещей лихости, что и требовалось.

Далее моя Соня примерила на себя наряды Тоски<sup>11</sup>, Снегурочки<sup>12</sup>, Татьяны<sup>13</sup>, Аиды и одновременно Амнерис<sup>14</sup>. Затем я перешла на балет. В балете отсутствовала главная составляющая моих постановок – пение, но зато мне очень нравилось вырезать воздушные балетные пачки и украшать их тюлем и блестками.

Большая обувная коробка пополнялась все новыми персонажами, коробки поменьше служили костюмерными. Примерно через год я поняла, что в одних и тех же декорациях – на нашей старой тахте – всех спектаклей не поставишь, сколько ни завешивай спинку бабушкиными косынками. Нужны были настоящие. Я тогда была совсем незнакома с театром в его технической ипостаси, но со страстью и выдумкой сооружала замки из конфетных коробок, найденных на помойке, леса из старых мочалок и озера из осколков зеркал. Думаю, из меня получился бы неплохой декоратор. И я все вырезала и вырезала из бумаги, которую в огромном количестве приносила мне с работы бабушка, а затем усердно раскрашивала полученные деревья, кусты, балюстрады, скамейки, клумбы, облака, луну и звезды, солнце и радугу. Я сращивала листы бумаги с помощью клея и сооружала пирамиды для постановки «Аиды», и даже сфинкс, весьма похожий на настоящего, украсил мою премьеру. Меня не смущало то, что вся изнанка моих декораций, костюмов, да и самих актеров была исписана непонятными символами и предложениями, в суть которых я никогда не пыталась вникнуть. Курсовые работы бабушкиных студентов, послужив своим авторам, безраздельно переходили в мое владение. И, смею предположить, в самом первом – и самом счастливом моем театре – их жизнь была куда интереснее, чем у тех, кто остался стоять на пыльных архивных полках.

– Ваша любовница никогда не угрожала суицидом?

Режиссер Савицкий раздраженно дернул щекой. Его злило слово «любовница», злило то, что он попал в такую омерзительную ситуацию, и безмерно злила сама следователь Сорокина, бесцеремонно расспрашивающая о его личной жизни. На ее очередной вопрос он только неопределенно пожал плечами.

– Так да или нет? – продолжали пытаться его.

<sup>10</sup> Проспер Мериме (1803–1870) – известный французский писатель. Его новелла «Кармен» была взята за основу композитором Жоржем Бизе при написании им одноименной оперы.

<sup>11</sup> Тоска – главная героиня оперы Дж. Пуччини «Тоска». Премьера оперы состоялась в 1900 г. в Риме.

<sup>12</sup> Снегурочка – главная героиня оперы Н. Римского-Корсакова «Снегурочка», написанной по одноименной сказке А. Островского.

<sup>13</sup> Татьяна – главная героиня оперы П. Чайковского «Евгений Онегин», основой для которой послужил одноименный роман А. Пушкина.

<sup>14</sup> Аида – главная героиня оперы Дж. Верди «Аида», действие которой происходит в Древнем Египте. Амнерис – дочь фараона, персонаж той же оперы.

– Оксана была очень сложным человеком, – наконец выдал он.

– А вы не ссорились накануне?

– Нет, – устало сказал он. – Накануне мы не ссорились. У Оксаны был день рождения. Зачем портить настроение друг другу в праздник? Я пошел ее проводить, но у нее сильно болела голова, поэтому мы расстались у двери ее квартиры.

– А ваша жена не возражала, что вы пошли провожать любовницу?

Противная баба смотрела на него через стол в упор, не мигая. Лицо одутловатое – наверное, с почками проблема. Волосы выкрашены небрежно, да и глаза подведены неровно – на одном стрелка дрожала и уходила в сторону, отчего казалось, что следователя вот-вот подмигнет. «Могла бы выглядеть как человек, – раздраженно подумал он, – но ни помадой, ни пудрой пользоваться не умеет... Помада у прокурорской мадам слишком яркая, не подходит ни под цвет лица, ни тем более к маникюру... если это можно назвать маникюром, конечно... Намазалась тонирующей основой и не растушевала как следует – лицо розовое, а шея зеленая, как у утопленницы! Сказать ей, что ли, что она выглядит как чучело, испортить настроение, как она портит его мне своими идиотскими вопросами, вместо того чтобы искать, кто действительно убил Оксану? Однако ссориться со следователем себе дороже, – решил Савицкий. – Может быть, она себя так ведет, потому что я пожаловался в столицу на нерадение местных сыщиков? Разумеется, ее после этого по голове не гладили... Что ж... возможно, я погорячился. Теперь придется терпеть».

– Послушайте, – начал он. – Я вам уже сто раз говорил, что у нас с Ларой давно уже... только дружеские отношения. Мы договорились, что разводиться не будем, и она не вмешивалась... в мою личную жизнь. Понимаете? Нам обоим было так удобно. Но я же вижу, куда вы гнете. И я вам еще раз повторяю – я Оксану не убивал. И она сама себя не убивала. Я уверен в этом, – добавил он.

Маргарита Сорокина с неприязнью смотрела на сидящего напротив мужчину. Не убивал он! С женой, видите ли, только в дружеских отношениях. А чего тогда жить вместе? Или ему так удобнее? Конечно, именно ему так удобнее, а не несчастной женщине, которой приходится терпеть бесконечные походы налево этого... артиста! Ишь, и сюда вырядился. Любовницу еще не похоронили, а он атласный шейный платок нацепил в козявках каких-то, штиблеты лакированные надел... хлыщ!

– Ну, то, что вы Кулиш не убивали, еще доказать надо, – ядовито заметила она.

– Доказать надо, что я ее убивал! – тут же парировал Савицкий. – Вы о презумпции невиновности когда-нибудь слышали?

Следователь медленно побагровела.

– Та-а-ак, – протянула она. – Грамотный, значит? А грамотного я могу задержать до семидесяти двух часов – по подозрению в совершении преступления. Вам в камере не то что часы – минуты считать захочется! А ведь есть еще и Указ президента – по нему я вас и тридцать суток могу удерживать! Понятно? Так что, спокойно на вопросы будем отвечать или выйдем и опять в Киев звонить побежим?

Режиссер смолчал. Да, дразнить эту странную бабу явно не следовало.

– Скажите, Савицкий, снотворным ваша любовница давно баловалась?

Режиссера покорило это «баловалась», но он ответил по возможности сдержанно:

– Да, Оксана давно принимала снотворное. Много лет.

– А зачем она выпила снотворное днем, вы не в курсе?

– Знаете, у каждого из нас свои странности, – сказал Савицкий, все более и более тяготясь разговором. У него создалось впечатление, что следователь действительно пытается обвинить его в чем-то, и нарочно провоцирует его, чтобы он вспыл и наговорил лишнего.

– Оксана с помощью снотворного лечила все – и головную боль, и простуду. Она говорила, что сон все лечит, – выпивала таблетку, а наутро, как правило, действительно была здорова...

– А вы сами дали ей снотворное?

– Нет, – отрезал режиссер. – Я ей ничего не давал. Я проводил ее до дверей и ушел домой. Вам понятно?

– Ну-ну, – скептически произнесла следователь, и у Савицкого задрожали руки. Эта двухчасовая пытка, похоже, и не думала подходить к концу. Зачем он сам заварил эту кашу?! Оксану не вернешь, а ему все нервы истреплют, не считая того, что за спиной уже начались шепотки, и даже Лариса сегодня...

– Можно?

В дверь просунулся плотный остроносый мужик с пронзительными голубыми глазами – один из тех, которые шныряли в театре.

– В коридоре подожди, – неприязненно сказала ему следователь и почесала ручкой нос. – А милицию вы на следующий день почему вызвали? – в который раз спросила она.

Тут Савицкий уже не выдержал:

– Послушайте, вы меня уже в десятый раз об одном и том же спрашиваете!

– Нужно будет, я и двадцать раз спрошу. Ваше дело – отвечать.

Он даже поперхнулся от негодования, но все-таки решил вести себя спокойно – ну, насколько сможет. А то действительно еще в камеру запрет, кто ее, дуру, знает...

– Мне показалось подозрительным, что Оксана не отвечает на звонки по телефону. Я пришел, открыл дверь и нашел ее...

– Вы на той неделе утверждали, что больше Кулиш в тот день не видели. Так? Вот протокольник. А вот показания соседей, что вы заходили вечером и открывали дверь своим ключом...

Режиссер побледнел.

– Да... я забыл. Я действительно заходил через час... ну, может, через полтора. И открывал замок. Но не заходил в квартиру...

– Почему?

– Дверь была заперта на цепочку. Я позвонил... но мне никто не открыл.

– Что значит «никто»? У Кулиш что, были гости? Вы их видели? Слышали?

– Никого я не видел. Я позвонил, постоял, потом закрыл дверь и ушел. Наверное, она или ванну принимала, или уже спала.

– А утром, значит, получилось открыть? Цепочки почему-то уже не было? Интересно-енько... И кто ж ее снял?

Савицкий сидел, не отвечая. Ему очень хотелось закурить, но он боялся, что руки будут предательски дрожать и это натолкнет следовательшу на очередные, далеко идущие выводы.

– А вечером вы ей не звонили? – продолжала пытку Сорокина.

Режиссеру очень хотелось ответить, что в тот злополучный вечер он сидел дома с женой, никуда больше не выходил и никому не звонил. Но если они проверят? Или уже проверили? Поэтому он помедлил и все же признался:

– Да, я ей звонил.

– Зачем? – тут же выстрелила вопросом Сорокина.

– У нее был день рождения, я хотел ее поздравить.

– Но вы же поздравили ее в театре! Потом еще проводили домой. Может, вы ей по другому поводу звонили? Не припомните?

– Наверное, вы правы. Я просто хотел узнать, как она себя чувствует. У нее голова болела, я вам уже говорил.

– Действительно говорили, – согласилась следователь. – А жена ваша с Кулиш в каких была отношениях?

– В хороших, – сквозь зубы процедил Савицкий.

– Даже торт ей на день рождения заказала, да?

– Совершенно верно.

– А в театре у Кулиш были враги?

– Нет. У Оксаны не было врагов, – твердо заявил пытаемый. – Она была прекрасным человеком, прекрасной певицей...

– Прекрасной любовницей...

– Да! И это тоже, если хотите знать!

Следовательша посверлила его своими неровно подведенными пороссячьими глазками и хмыкнула:

– Смело! Как говорится, мой вам респект! А Кулиш настаивала, чтобы вы на ней женились?

– Нет.

– Я вам не верю, – заявила следователь, и уголки ее рта насмешливо дернулись. – Она прилюдно устраивала вам сцены, требуя, чтобы вы развелись с женой и узаконили свои отношения. А вы не хотели. Ни разводиться, ни жениться. Так?

– Это ваше право и обязанность – собирать слухи и сплетни, – сухо сказал режиссер. – Вас тут много, а оперный театр в городе один. Вас, наверное, информировали, что у нас в театре ожидается премьера? Это очень трудная и кропотливая работа. И для меня, и для всей нашей труппы в целом. У нас меньше чем через час репетиция. Я не могу заставлять ждать заслуженных артистов... Впрочем, я даже со статистами так себя не веду! – Режиссер гневно сверкнул очами. – Я ответил на все ваши вопросы. Я могу наконец идти?

– Я вас не задерживаю. Идите. – Следовательша пожала плечами, взяла со стола пропуск и небрежно подмахнула его.

\* \* \*

Лысенко смотрел скучающим взором куда-то в район серого облупленного сейфа, пока Сорокина, сопя, читала принесенное им. Сейф и пыльный, некрасиво вытянувшийся от неправильного ухода кактус стояли на своих местах очень давно, и Лысенко знал обоих как свои пять пальцев.

– И это все? – Сорокина раздраженно смахнула бумаги в ящик стола.

– Все.

Капитан не поворачивал головы, созерцая сейф и колючего страдальца с таким видом, как будто те были произведениями искусства.

– Ты, Лысенко, или работай, или увольняйся, – пожевав губами, посоветовала ему следачка. – А то у нас с тобой общего знаменателя не находится!..

– У нас с тобой, Ритуля, ничего общего нет и быть не может, – насмешливо сказал он, хотя на скулах у него играли желваки. – И вообще, я бы тебе посоветовал: ты держи свои амбиции, а заодно и язык при себе. А то у тебя все вместе. И мухи, как говорится, и котлеты. И определись наконец – работать тебе со мной или что еще...

– Да я с тобой, – багровея, проорала Сорокина, – на одном поле срать не сяду!!

– Если у тебя есть конкретные замечания по моей работе, так излагай их в письменном виде в адрес начальства, – душевно посоветовал ей капитан.

– Я рапорт напишу, – пообещала Сорокина, с ненавистью глядя в наглые голубые глаза.

– Обязательно напиши, Риточка. В подробностях. Тебе ж не впервой рапорты писать. Ну, я полетел, радость моя.

Сорокина вначале забулькала, как выкипающий чайник, а потом ее прорвало. Она находила все новые и новые эпитеты для этой сволочи, для этой гниды недобитой... и прочее, прочее, прочее...

Лысенко очень хотелось выскочить из кабинета и садануть дверью, но он невозмутимо выслушал все до конца и, когда обессиленная Сорокина в изнеможении откинулась на спинку стула и налила себе в стакан воды, сказал:

– Ну и чудненько! Как мы тут с тобой прекрасно все обсудили! Я рад, что ты меня понимаешь. Так редко такое бывает. Даже уходить не хочется. Но я все же на службе... а жаль. Так что бывай, Ритуль! – Он вышел и прикрыл дверь с нарочитой вежливостью, чем довел хозяйку кабинета буквально до белого каления.

\* \* \*

– Игорь, ты зачем Сорокину дразнишь?

– Я, Маш, никого не дразню, – устало сказал он в трубку.

День выдался тяжелый: жара, беготня, бесконечные разговоры с непростым театральным людом, а до кучи еще и Ритка Сорокина...

– А что, она уже успела всем пожаловаться? – с усмешкой поинтересовался он. – Чего она тебе наговорила? Что я, сволочь недобитая, оборотень и мент с нечеловеческим лицом, работать не хочу?

– Она мне сейчас по делу Кулиш звонила. – Маша Камышева, личный друг капитана, а по совместительству эксперт, тяжело вздохнула на том конце связи. – Ты чего ей такого там наговорил, а?

Лысенко ничего такого следователю Сорокиной сказать просто не успел, а может, настроения не было, поэтому он ответил с чистой совестью:

– Да пошла она к черту! Маш, нам что, кроме как о Сорокиной, и поговорить больше не о чем?

– Почему не о чем, – растерялась Камышева. – У нас всегда есть о чем поговорить... Весна вот за окном, например, такая!..

### **Из дневника убийцы**

Весна в этом году почему-то меня не обрадовала. Обычно я всегда с нетерпением жду именно весну. Это мое любимое время года. Как в детстве любимым было знойное, сухое, ветреное лето, так, повзрослев, я полюбила весну.

В детстве весна неизменно проходила мимо меня. В мае в школе становилось слишком жарко, и все мы, и ученики и преподаватели, с нетерпением ждали окончания учебы и начала самых длинных в году каникул. А весна – весна была досадной помехой на пути к долгожданному лету, к каникулам и отпускам. В предвкушении летней свободы у меня даже музыка уходила на второй план. Последние недели в школе давались тяжелее обычного, к тому же нужно было, как каторжник ядро, таскать за собой опостылевший и практически уже ненужный портфель.

Переводной концерт нависал над всеми дамокловым мечом – с утра и до позднего вечера через открытые окна отовсюду доносились музыкальные пассажи. Первоклашки извлекали мучительные звуки из своих четвертушек – скрипок и виолончелей, и я с чувством собственного достоинства шествовала мимо струнников в конец коридора, в свой класс, большую часть которого занимал далеко не новый, но прекрасно звучащий беккеровский рояль. Я как-никак заканчивала четвертый класс и поэтому взирала на испуганную мелюзгу, которая еще ни разу не играла в большом зале перед возбужденной толпой роди-

телей, теснящейся позади невозмутимой экзаменационной комиссии, с нескрываемым превосходством. Кроме того, мне не нужно было повсюду носить с собой инструмент, как моей соседке по парте, виолончелистке. Я возвращалась из школы налегке, наперегонки с тополиным пухом, несомым ветром, и старенький ранец хлопал меня по спине, когда я вприпрыжку перебегала перекресток возле вокзала.

Тем летом бабушке почему-то взбрело в голову отвезти меня в деревню. Я казалась ей слишком худой и бледной, и она заявила, что меня нужно «оздоровить». Ну, если моя бабушка что-то решила, спорить с ней было бесполезно... Это был самый скучный отдых в моей жизни, скорее наказание, чем поощрение за неплохие оценки по общим предметам и блестяще отыгранный переводной экзамен. Я была слишком городской девочкой, чтобы мне понравилось то унылое место, куда меня привезли. Наверное, там действительно наличествовали чистый воздух и настоящее молоко от настоящей коровы, но там не было даже асфальта, чтобы расчертить «классики»! Дороги в этом Богом забытом населенном пункте состояли из сплошной серой пыли, а на мягкой, поросшей спорышом обочине у каждого двора паслись гуси. Не помню уже, как называлась эта деревня, наверняка она имела такое же скучное название, как и окружающий ее пейзаж. Припоминаю только, что добирались мы туда несколько часов в тряске жаркого автобуса, обремененные двумя чемоданами и ранцем с моими книгами и частью бумажного театра.

В деревне бабушка сняла ветхий деревянный флигель, выходящий в огород, который плавно спускался к тускло блестящей реке, поросшей по берегам дуплистыми ветлами. Вот в этом унылом до одури месте она меня и принялась «оздоравливать». По утрам мы обязательно купались, осторожно входя в мутную воду и скользя ногами по илистому дну, полному острых осколков раковин-перловиц. Проплещина в камышах, которую мы именovali гордым словом «пляж», была грязно-желтого цвета, и на песок постоянно прибывало то дохлую рыбку, то воняющую болотом ряску. Однако, не имея других развлечений, мы храбро лезли в воду, пугая лягушек и водомеров, а потом ложились загорать на старое полотенце. Каждое утро я пила отвратительное, пахнущее коровой интимно-теплое парное молоко, а после обеда бабушка выгоняла меня из флигеля на раскладушку – «принимать солнечные ванны». Вокруг меня бродили вечно озабоченные поиском пропитания куры, бестолковые и суетливые. Они то настойчиво разгребали когтистыми лапами сто раз перерытую землю двора, то внезапно, с квохтаньем и толкотней заполошно срывались к своему властелину – петуху. Отдыхать среди этого птичьего царства было проблематично; нахальные мухи, привлеченные куриным пометом, то и дело садились на мои голые ноги или пикировали прямо в лицо, норовя попасть в глаз. Новый купальник, который бабушка купила, чтобы подсластить мне деревенский отдых, на заднем дворе не производил никакого впечатления даже на кур. С раскладушки мой «театр» сдувало и уносило, а в крохотном домике на столе у единственного окна бабушка писала какие-то бесконечные формулы, черкала и писала снова, безжалостно изгоняя меня на «свежий воздух».

Несколько дней такого безрадостного времяпрепровождения повергли меня в отчаяние, тем более что покидать пределы двора мне категорически запрещалось. А потом к нашей хозяйке, необъятных размеров старухе, привезли из города внучку, бойкую девчонку примерно моих лет. Общим у нас был только возраст, но, тем не менее, мы быстро сдружились. Девчонку звали Светкой, а ее бабу – уже и не помню как. Светка приглашала меня в просторный и прохладный деревенский дом, где в дальней комнате в старом сундуке у нее хранился целый склад игрушек. Мы часами могли играть в раскладной «Цирк», или ее любимую игру «дочки-матери», пока не подходило время обеда или ужина и бабка не звала внучку к столу. Старуха была скуповата – и, не собираясь тратить на лишний рот, она неизменно говорила мне:

– Ты иди... иди. Тебя вон, гляди, бабка давно ищет...

Хотя бабушка, пользуясь отпуском, спешила дописать какой-то учебник и уж, конечно, меня не искала.

Лето выдалось погожее, и в июне в саду, накрепко отгороженном от куриных происков сеткой с калиткой, поспела восхитительная малина. Мы со Светкой отряжены были собирать первую ягоду. Бабка вооружила нас литровыми банками, обвязанными бечевой и привешенными на шею, – чтобы обе руки оставались свободными. Получив напутствие собирать аккуратно и не мять ягоды, мы с двух сторон двинулись в малинник. Я до сих пор помню прозрачную скользкую тень листьев, жужжание пчел вокруг и восхитительный вкус этой малины. Кинув для приличия пару ягод в банку, я набирала полную горсть и отправляла ее в рот. Придавливала ягоды к нёбу языком и замирала от блаженства – ничего общего эти божественные вкус и запах не имели с той давленной, не первой свежести малиной, килограмм которой бабушка покупала каждый год, чтобы сварить банку так называемого «простудного варенья».

Кусты были огромные, выше меня чуть не в два раза, и поэтому я без зазрения совести бесчинствовала там, пока Светка меня не позвала. На шатком столике под вишней красовались пять полных банок, набранных ее проворными руками, в то время как моя единственная, наполненная едва на половину, болталась на шее и обличала меня как табличка, привешенная на партизана перед расстрелом. Бабка, сидящая тут же, неодобрительно на меня покосилась – руки мои были в малине, рот, как я подозреваю, тоже. Выручила меня подружка:

– Так она ж первый раз... и собирать не умеет...

Бабка поджала губы и в два блюдечка – как кошкам – рассыпала малину, собранную мной.

– Ешьте...

Светка смела свою порцию тут же, а я, красная как рак, положила ягоду в рот. Она, почему-то став совершенно безвкусной, тут же застряла всеми косточками в зубах. Я отодрнула блюдечко.

– Я малину не люблю...

Но больше на сбор урожая меня не приглашали. Сама я в сад не ходила, а Светка, дождавшись, пока бабка, тяжело переваливаясь, не побредет на автобусную остановку, чтобы увезти благоухающую корзину на ближайший рынок, приносила мне то горсть вишни, то упавшее с дерева яблоко «белый налив» с коричневым подбитым боком и неизменным удивленным червяком внутри.

Увидев однажды мой бумажный «театр», подружка ужасно заинтересовалась – что я делаю с этими «человечками». Опера, которую я пыталась перед ней воспроизвести – моя любимая «Кармен», – ее почему-то не вдохновила. Однако, услышав, как я пою, она тут же предложила мне спеть что-нибудь дуэтом. Голосок у Светки был небольшой, но очень верный, и попсовых текстов в голове у нее хранилось множество. Наскоро разучив несколько хитов, мы сели на лавку под окнами и заливались на два голоса. Эти выступления оставались незамеченными недолго. Буквально на второй день из прохладной глубины дома возникла Светкина бабка, для которой мы собирали малину. Тяжело переступая отечными слоновьими ногами, она снизошла с крыльца, волоча за собой лакированный венский стул. Умолившись в тени и взяв для обмахивания газету, она велела нам начинать. Мы пропели все, что знали, а старуха, оказавшаяся меломанкой, сидела и млела, уронив импровизированный веер. Помня о несправедно съеденной малине, я старалась изо всех сил. Повторив все разученное на «бис» и получив заслуженные аплодисменты, мы с удовлетворением раскланялись и были отпущены к нашим игрушкам.

Вскоре наш репертуар расширился – старуха заказывала песни, мы шли в сад репетировать, а вечером пели ей, свисающей по краям стула, как тесто из квашни, и роняющей

слезы умиления. Выступления наши неизменно заканчивались в кухне, где прижимистая бабка кормила «артисток» ужином – яичницей с помидорами и салом, домашней выпечки хлебом, а также компотом, таким концентрированным, что при одном воспоминании о нем у меня даже сейчас возникает оскомина.

Как и всяким артистам, нам со Светкой было свойственно тщеславие: мы жаждали признания не местного, так сказать, значения, а хотя бы в деревенском масштабе. И оно не замедлило явиться. Вначале к нашей единственной меценатке присоединилась одна бабка, затем вторая... Через неделю десятка полтора восхищенных слушательниц рукоплескали нашим ежевечерним концертам.

Моя собственная бабушка участвовать в этих музыкальных посиделках отказалась категорически. Прослушав один раз наш пошлейший репертуар, она для приличия слабенко похлопала, а затем высказала мне в нашей комнатке свои претензии:

– Это ужасно... ужасно! Я понимаю, Света... но ты! Петть такое после «Кармен», после «Евгения Онегина»... Нельзя потакать неразвитым вкусам, пусть и в деревне!

– Так что же мне делать? – растерялась я. Романсы и оперные арии, которые я напевала вполголоса дома, мы со Светкой не потянули бы.

– Ну, разучите хотя бы Глинку для начала, – посоветовала бабушка.

На следующий день для пробы я выступила соло с «Дорожной песней». Энтузиазма на лицах слушателей не наблюдалось. Пока я пела, среди публики начались перешептывания, кашель, словом, возникли знакомые любому артисту неприятные звуки, говорящие о том, что внимание зала рассеялось. Светка, опасаясь провала, дернула меня за руку и тревожно шепнула на ухо. Затем, набрав полные легкие воздуха, мы вдохновенно взвыли привычное, сорвав в конце шквал аплодисментов, так греющий душу всякого лицедея.

– Она и на пианине играть умеет! – гордо говорила Светка, набивая полный рот подношениями, – наши слушатели никогда не приходили с пустыми руками, так что конфеты и печенье у нас в карманах не переводились. Мне так разговаривать было строжайше запрещено, и поэтому я жевала и скромно молчала.

Такое бахвальство со стороны подружки повторялось изо дня в день, и в конце концов старуха не выдержала. Кряхтя, она откинула свисающий до пола кружевной подзор и вытащила из-под кровати пыльный футляр. В нем оказался дивной красоты аккордеон – темно-зеленый, с перламутровыми вставками, невесть как очутившийся в этой глуши, – роскошный инструмент с глубоким голосом.

– Ну давай, играй, – разрешила она.

– Так это ж не пианина! – возмущенно пискнула Светка.

Тем не менее с разрешения бабки я, сгибаясь под тяжестью добычи, унесла аккордеон в наш флигель и довольно быстро освоила несколько простых мелодий. Он, конечно, был слишком громоздок и высок для меня, но... Ко мне вернулась музыкальная гармония, по которой я так отчаянно скучала здесь. Вечерние выступления не удовлетворяли в полной мере моей потребности в ежедневных музыкальных упражнениях. Я томила по своему старому домашнему пианино, я скучала даже по гаммам, разогревающим пальцы и настраивающим меня на дальнейшую скрупулезную работу и разбор произведения. Кроме того, еще свежо было мое фиаско с малиной, и я жаждала реабилитации. Да и, честно говоря, мое детское тщеславие в освоении аккордеона также сыграло не последнюю роль.

Когда через пару дней я заиграла бабкину любимую «Ах, какая женщина, какая женщина... мне б такую», из-под складчатых старушечьих век потоком полилась соленая влага. Я играла и пела, Светка вторила, а ее бабка обливалась сладчайшими слезами меломана. Наконец, утершись платком, отсморкавшись и отдышавшись, она похвалила меня на свой манер:

– Вот, любой дурак научиться может, кроме тебя! И науки-то всей – пальцами перебирай... вроде как носки вяжешь. Не способная ты ни к чему, как и мать твоя, платка носового подрубить не умеешь!.. А эта пигалица, смотри, за два дня гармонь одолела! И поет, и играет... так-то вот!

Светка немедленно насупилась, а бабка продолжила:

– Ты вот на завод ищачить, как отец с матерью, пойдешь, а она, – бабка назидательно ткнула в мою сторону черным от земли пальцем, – куда хошь! Не буряки в поле полоть будет, а на чистую работу – в школе, иль в клубе, иль... – В театрах старуха сроду не бывала, поэтому закончила свою мысль так: – Да хоть по электричкам пойдет – и везде заработает!

Перспектива разгуливать с выступлениями по электричкам насмешила меня, хотя я и не подавала виду. Однако сегодня я вижу, что прозорливая Светкина бабка во многом была права: я зарабатываю на жизнь музыкой, и мое сегодняшнее существование очень мало отличается от хождения с аккордеоном по электричкам. Мне думается даже, что пой я в электричках, вероятно, мой заработок был бы существенно больше той мизерной суммы, которую определило государство в вознаграждение за певческое ремесло. Но мое болезненное самолюбие требует театра – и только театра! Блещущего и рукоплескающего театра, с переливающимся хрусталем люстр, бархатом лож и занавеса, с восхитительным запахом свежеотпечатанной программки, в которой значится: выступает такая-то. Пение на завалинке для деревенских слушателей, возглавляемых Светкиной бабкой, также было своего рода театром. Моим вторым театром и, можно сказать, моими первыми удачными гастролями.

– Лара... Лара! Стоп... Я сказал – стоп!! Чем вы тут занимаетесь, черт возьми?! На рыночную дороговизну друг другу жалуетесь? Это же любовный дуэт! Я сказал – любовный! А вы что здесь устроили? Это не молодые влюбленные, а двое престарелых больных в очереди к ревматологу! Станислав Петрович! Что вы на нее смотрите, как пасынок на мачеху? Пирожком она вас обделила? Так, подойдите ближе... еще ближе... вот так, хорошо. Прижмите ее к себе. К себе, а не к костюму! Господи, Слава! Ты же любишь эту женщину... не бутерброд с колбасой, а женщину! *Эту* женщину. Посмотри на нее восторженно... восторженно, а не как на лягушку! О господи! Не можешь восторженно, смотри на нее просто страстно! Страстно, черт возьми!!! Не с ненавистью, а страстно... это не пылесос, который поломался. Это *женщина! Красивая женщина*... Лара, куда ты снова пошла?! Стой здесь... ближе... Так, Слава, теперь ты. Она твоя любовница. Ты ее долго добивался. Тебя даже избили из-за нее! Ради нее ты пошел на все – на преступление, на убийство... Нет. Не так. Не глазки ей нужно строить, а смотреть... Ладно, хорошо... Так, а теперь вы целуетесь... Стоп. Слава, так покойников только целуют. Ты Лескова читал? Не либретто, а именно Лескова... Ладно, я тебе своими словами скажу. Катерина Измайлова<sup>15</sup> говорит: «Целуй меня так, чтобы с яблони цветы сыпались». Помнишь? А у васдохлый паук не свалится! Ты тоже стоишь как мертвая! Чего ты руки опустила? Обними его... я сказал – обними, а не придуши... Лара, если тебе кого-то убить хочется, то у тебя дальше по сюжету это будет... Мужа задушишь, а свекру крысиного яду подсыплешь... Стоп! Никуда не годится. Вяло. Очень вяло! Эта опера требует движения. А у вас его нет. Это история о всепоглощающей страсти, а не просто пение под музыку! Подумайте над этим. – Савицкий раздраженно двинул стулом. – Слава, с тобой на сегодня все. Лара, давай еще эту сцену «Я в окошко однажды увидела...» Да, вот с этого места...

Певица запела, голос ее был полон грусти и тоски и поднимался все выше, выше, пока не достиг такой высоты, что, казалось, дальше некуда, но потом шагнул еще выше, еще...

---

<sup>15</sup> Катерина Измайлова – главная героиня повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Повесть послужила сюжетной основой, по мотивам которой выдающийся русский композитор Д. Д. Шостакович (1906–1975) написал оперу «Катерина Измайлова».

Перехватило дыхание от этого неземного чистого звука, полного какого-то страшного невысказанного напряжения.

– Одна... одна... одна я ... – жаловался голос.

И вдруг оборвался. Женщина на сцене, лицо которой внезапно исказилось в страдальческой гримасе, отвернулась, подошла к аккомпаниатору, и обе стали тихо о чем-то переговариваться, листая стоящую на рояле партитуру.

– Лара, в чем дело? – раздраженно спросил Савицкий у жены.

– Я не готова дальше репетировать.

Лариса Столярова, прима оперной труппы, не спеша спустилась с невысокой сцены репетиционного зала и уселась в углу, у столика. Открыла бутылку минеральной воды, налила в стакан и, откинувшись на спинку кресла, стала цедить воду маленькими глотками.

– Ладно... Второй состав, пожалуйста, – недовольно скомандовал Савицкий. – Аня, тебе особое приглашение нужно? Начинайте... То же место... Нет, давай «В лесу, в самой чаще есть озеро...»

Невысокая девушка, которую старлей уже видел – она приходила искать библиотечную партитуру, – нерешительно шагнула к роялю, прикрыла глаза и запела. Лицо ее было безмятежным, но напряжение, нараставшее с каждой минутой и лившееся со сцены, зашкаливало, затапливало все вокруг, и Бухин тоже закрыл глаза. Это было уже не пение. Голос, забиравший все выше, казалось, вот-вот оборвется... Но он не оборвался, как у первой певицы, а перешел какую-то черту, какой-то барьер – и превратился не в пение даже, а в плач. «Так воет ветер на кладбище», – подумал Саша с ужасом и почувствовал, как у него по спине поползли мурашки.

Бухин не слишком разбирался в опере – в детстве мама водила его в театр, так сказать, для общего развития. «Евгений Онегин», «Кармен», «Травиата»... Только глухой их не знает. Но этой музыки он определенно не слышал никогда. И такого пения – тоже. Даже ерничающий по поводу и без повода Лысенко сидел рядом тихо, воздерживаясь от своих обычных комментариев.

И вдруг голос стих. Но, наверное, еще больше минуты никто не двигался, и Саша сидел неподвижно, словно в каком-то оцепенении. Стоявшая на сцене девушка обессиленно уронила руки. Наконец Савицкий сказал:

– Спасибо, Аня, молодец. Да... хорошо. Почти то, что я хотел. Но больше страсти, больше страсти! А в целом... в целом очень хорошо. Очень хорошо!

Лариса Столярова со стуком поставила стакан на стол, поднялась и молча пошла к выходу. Лысенко оглушительно кашлянул.

– Посторонние в зале! – Режиссер резко обернулся, увидел спину уходящей жены, потом разглядел сидящих в последнем ряду милиционеров.

– А... это вы...

– Мы пришли побеседовать с вами, Андрей Всеволодович. – Саша Бухин поднялся и чуть не столкнулся с проходящей мимо режиссерской женой.

Столярова выглядела измученной и расстроенной. Саше даже показалось, что она плакала. «Ну, немудрено после таких замечаний», – подумал Бухин.

Он пропустил приму, подошел к режиссеру и протянул руку. Тот вяло ее пожал. Очевидно, перспектива очередной беседы с докучливыми ментами не слишком его радовала.

– А что вы репетировали? – спросил Бухин не столько, чтобы начать разговор, сколько действительно заинтригованный необычным пением.

– Шостакович. «Катерина Измайлова». По «Леди Макбет» Лескова.

– Не слышал, – откровенно признался Бухин.

– Редко ставят, – пояснил Савицкий. – На сцене нашего театра, например, никогда не ставилась. Вот, хотим открыть сезон премьерой. А теперь все кувырком. Оксаны больше

нет. – Он помрачнел еще больше и дернул углом рта. – Да... Лара, видите ли, капризничает... А Аня...

Он запнулся и посмотрел на сцену, где девушка, которая только что пела, о чем-то разговаривала со вторым из пришедших – высоким, остроносым. «Капитан, капитан... как его... да, Лысенко, – вспомнил он. – Однофамилец композитора».

– А Аня тоже фортели выкидывает! Сегодня заявила, что поет последний сезон. Замуж выходит, – неприязненно сообщил он, почему-то морщась и оттягивая ворот рубашки, как будто ему не хватало воздуха. – Так что все коту под хвост, – мрачно закончил режиссер.

– Но у вас в труппе еще три сопрано, – проявил осведомленность старлей.

Савицкий посмотрел на него с интересом.

– А вы что, в этом разбираетесь? В сопрано, в постановочном процессе? В режиссуре?

– Нет, – честно сознался тот. – Не разбираюсь. Просто собираю информацию. Поэтому знаю, что у вас в труппе еще три сопрано. – Бухин простодушно пожал плечами. – А в остальном я – «чайник», знаете, так говорят...

– «Катерина Измайлова» – очень сложная вещь... – Савицкий немного оттаял. Наверное, ему понравилось выражение «чайник». – Эта опера требует определенного голоса – я говорю так, чтобы вам, как «чайнику», было понятнее.

Бухин кивнул.

– Оксана... – Савицкий запнулся, – Кулиш уже начала репетировать, и все получалось. Все было более-менее гладко. Мы шли точно по графику, а Лара должна была идти вторым составом... У моей жены слабое здоровье, знаете ли, и она не всегда может выйти на сцену. Да... а теперь, после всего этого, еще и нервы... сами сегодня видели. Завелась на пустом месте! Аня же... Я думаю, она может спеть... да, может.

После только что услышанного Саша Бухин был в этом уверен, но в голосе режиссера тем не менее звучали нотки сомнения:

– Но она слишком... молода, чтобы петь эту партию.

«Э, да ты ее едва терпишь, – вдруг понял Бухин. – Почему? Такой дивный голос... Да за один голос можно было влюбиться в эту девушку! Впрочем, и в этом я не разбираюсь». Однако он тут же вспомнил разговор в канцелярии в свой первый приход в театр: «Прекрасный голос. Прекрасный! Но здесь ей не давали петь...» Кто не давал петь Анне Белько, режиссер? Жена режиссера? Любовница режиссера? Или кто-то еще?

– На сегодня все! – крикнул Савицкий. – Все свободны!

Акомпаниатор торопливо закрыла ноты, а бравый капитан галантно подал руку певицей только что невысокой девушке.

– Аня Белько, – представил он певицу старлею.

Сашка любезно поцеловал певице кончики пальцев:

– Аня, ничего, если мы с вами еще поговорим? Вы не устали? Вы просто здорово сейчас пели.

– Да-а... – протянул Лысенко. – Эт-то что-то... Никогда такого не слышал!

И капитан, и старлей вряд ли были знатоками оперы, но девушка все равно им мило улыбнулась.

– Аня, Андрей Всеволодович сказал, что вы выходите замуж и не будете больше петь. Это правда? – спросил Бухин.

У капитана вытянулось лицо. Режиссер рядом все шелестел какими-то бумажками на своем месте. Потом погасил лампу и хмуро проронил:

– Если вы захотите со мной еще поговорить, то я буду у себя в кабинете.

Но капитан, похоже, уже потерял к нему интерес.

– Может, сходим кофейку попьем? – предложил он. – Там и поведаете нам, простым поклонникам вашего таланта, почему вы не хотите больше петь.

Девушка взглянула на него насмешливо.

– Да вы о моем существовании только сейчас узнали!

– Нет, я вас раньше видел, с кошкой, помните? Полосатая такая! Кстати, у меня тоже кот. Очень люблю животных, – многозначительно добавил он.

– Да, действительно, – вспомнила певица. – Но вы тогда еще не знали, что я пою!

– Догадывался. – Лысенко томно улыбнулся. – Но не представлял в полной мере вашего таланта. А сегодня сразу стал поклонником, – заявил он. – С таким голосом, как у вас, Анечка, нужно петь, и не просто петь...

– Мой будущий муж не хочет, чтобы я работала, – вздохнула девушка. – И не важно, пою я...

– ...или кормлю кошек, – закончил за нее капитан. – Ревнует, наверное. Кстати, как там ваша Мурка? Разродилась?

– Сторожиha их всех утопила, – грустно сообщила девушка. – Ночью. Пока меня не было. Я пришла утром, а уже все... Хоть бы одного оставила! Мура так страдала! Ходила по всему театру, звала их! Какое свинство!

– А вы бы не утопили? – спросил капитан.

– Да я понимаю... их уже никто брать не хочет, а она все рождает и рождает...

– А вы бы после спектакля их раздавали, – предложил капитан. – Так сказать, из рук знаменитости...

– Ну, какой знаменитости! Я же пока не Монсеррат Кабалье<sup>16</sup>.

– Вот именно, пока. Не знаю насчет Кабалье, не слышал, но вы сегодня пели так... у меня мурашки по телу бежали.

– Ну, значит, получилось. – Аня Белько удовлетворенно усмехнулась.

– А может, передумаете замуж выходить? – Лысенко улыбнулся в ответ во все тридцать два зуба, и глаза у него блеснули.

– Здесь и без меня тесно. Все грызутся, как пауки в банке. Нет, больше не хочу в этом участвовать, – решительно сказала девушка. – Давайте и в самом деле кофе выпьем в парке! Там сейчас хорошо, и я кафе знаю недорогое. Если, конечно, вы еще хотите меня о чем-нибудь спросить.

– Разумеется, хотим. А как же! – обрадовался Лысенко. – А потом можем в кино сходить! Какое вы кино любите?

– Хорошее, – улыбнулась певица.

– А любимый фильм какой? – допытывался капитан.

– «Зеркало» Тарковского. Только его сейчас нигде не показывают. У меня дома кассета есть, я иногда пересматриваю...

На улице вечерело и было уже прохладно. Саша Бухин шел на несколько шагов позади парочки – Лысенко и оперной певицы. Увлеченные каким-то разговором, они, похоже, забыли о нем. Ну, Лысенко известный сердцеед – должно быть, охмуряет сейчас эту Аню Белько. Несмотря на то, что девушка замуж собралась. И даже готова ради этого оставить сцену... Саше почему-то стало грустно. Он вспомнил, что они с Дашкой уже, наверное, с полгода никуда не выходили. Ни в театр, ни даже в кино. Конечно, у них Санька и Данька, куда им сейчас ходить... Однако дело даже не в этом. Недавно Катерина спросила у него, пишет ли еще Дашка стихи. А он не знал, что и ответить. С момента рождения дочерей он ни разу не поинтересовался у жены, пишет ли она. А ведь это так важно... очень важно! Для нее, для Дашки. Вдруг она думает, что его интерес к ее творчеству был только в порядке, так сказать, ухаживания. А едва пошли совместные будни, ему стало не до ее духовной жизни. Да, нужно любой ценой вырваться и сводить Дашку куда-нибудь. Театр... После

---

<sup>16</sup> Монсеррат Кабалье – выдающаяся испанская оперная певица, сопрано.

литературы Саша Бухин больше всего любил театр. Тут все было... настоящее! Квинтэссенция страсти, любви, ненависти...

### Из дневника убийцы

Я ненавижу наш театр. В нем все неживое, такое же картонное, как в бумажном театре моего детства. Только огромное, преувеличенное и ненастоящее. Фанера, клей, тряпки, блестки... Бутылочные драгоценности, сусальное золото, деревянные мечи... И такие же, как весь этот реквизит, поддельные страсти. Неужели никто, кроме меня, не замечает, как все здесь устарело, пропахло пылью и нафталином, в том числе режиссура и декорации? Недавно я увидела, как поставили «Катерину Измайлову» в Цюрихе. Какая потрясающая сценография, лаконичная и выразительная! Какая концентрация страсти!.. Я была потрясена. А у нас ее ставят в пошлейших декорациях с луной, садом и прочими романтическими глупостями. Конечно, я не режиссер и вообще не имею права голоса... Да и Савицкий не потерпит никакого другого мнения, кроме своего собственного. Стоит кому-то лишь заикнуться о том, что наш театр движется не в ту сторону, он тут же надувается... самолюбленный индюк! «Публика требует романтики, публика хочет настоящей страсти...» Что он знает о страсти! О подлинной, всепоглощающей, выжигающей все внутри страсти? Мало у кого в жизни случается настоящее, большое чувство: любовь, страсть, ненависть... Да, и ненависть. Такая огромная ненависть, которая толкает на преступление... Но почти никто не решается переступить черту. И поэтому человеку время от времени требуется подделка, суррогат. Он приходит в театр и получает три часа полной жизни. Он живет, любит, умирает и убивает. Как Ромео и Джульетта. Как Отелло и Дездемона... О, как я понимаю Яго!<sup>17</sup> Человечество и сегодня жаждет крови так же, как и во времена гладиаторов. Кино отчасти утоляет это безумное влечение – но эстеты... эстеты для этого являются в театр. Я ненавижу театральные страсти и ненавижу эстетов... Не слишком ли много ненависти в моей собственной жизни? И не слишком ли много страстей? Я чувствую, что скоро они поглотят меня целиком... Но я ничего не могу с этим поделать... или не хочу. Скорее, не хочу...

Сегодня я целый день вспоминала сон, который недавно видела. Он просто врезался мне в память, и картинки из него до сих пор стоят перед глазами. Там был дом – старинный деревянный дом, каких сейчас уже не строят. Это была чья-то старая дача, и я действительно бывала в этом доме, бабушка меня однажды возила туда. Эта деревянная дача потом сгорела – и сейчас я не смогла бы поехать туда и проверить свои ощущения. А жаль... Помню, когда бабушка рассказала мне о пожаре, я очень живо представила себе, как горит старый дом – со всем, десятилетиями накопленным имуществом – картинами, кружевными занавесками, венскими стульями... Как вспыхивает старый рояль и лопаются струны, издавая последние горестные звуки... Помню, это видение так ужаснуло меня, что я долго ходила сама не своя. И даже невинный огонек спички вызывал во мне страх. Странно, что я приняла так близко к сердцу этот пожар... Может быть, виною тому был фильм «Зеркало» Тарковского, на который мы с бабушкой накануне ходили?

В моем странном сне в старом доме были наши покойные родственники – те, которых я до этого знала только по фотографиям в бабушкином альбоме. А во сне я видела их очень объемно и преувеличенно отчетливо. Они двигались немного нарочито, как в старой хронике, и весь сон был именно такой, как старая хроника, – черно-белый. Все эти люди пили чай, уютно расположившись на веранде, с ними вместе сидела и бабушка. А я была в ком-

---

<sup>17</sup> Яго – центральный персонаж трагедии У. Шекспира «Отелло и Дездемона», ставшей основой для оперы Дж. Верди «Отелло». Интриги Яго ведут к тому, что Отелло убивает свою верную жену Дездемону.

нате, за стеклянной двойной дверью, выходящей на эту веранду. Я хотела попасть к ним – на столе были плюшки, конфеты, прозрачные розетки с вареньем. Родственники не спеша пили чай и беседовали. Я тоже хотела выпить чаю, тем более что варенье на столе было мое любимое – вишневое. Но я не могла выйти к ним. Дверь была заперта. Я стучала в стекло – сначала слабо, деликатно, потом все сильнее и сильнее... Помню, что в конце я изо всех сил молотила по стеклу кулаками, но оно почему-то не разбивалось, а было как резиновое... и звука не получалось почти никакого. Все чаевничали, разговаривали, смеялись, никто не увидел меня, не обернулся к двери, никто мне не открыл...

Только потом, переживая раз за разом этот странный сон, я поняла, что он был все о том же проклятом театре: все мои родные были на сцене, и только я одна – в зале. Все происходило по законам театра. Спектакль шел своим чередом, хотя я бесчинствовала за дверью. Так же и зрители: они могут шелестеть бумажками, кашлять, сморкаться, разговаривать и даже кричать – но актеры делают вид, что не замечают их...

Однако я очень хотела попасть на веранду... Наверное, мое подспудное желание оказаться на сцене любой ценой проявилось именно в этом сне. Я упрямо хотела сидеть за столом, наравне со всеми. Я знала, что на веранду можно было попасть через сад, с черного хода, и двинулась туда. Я помнила, что черный ход начинался сразу за кухней, и я шла, шла, открывала дверь за дверью, но все это были какие-то незнакомые помещения, не похожие на просторную и светлую кухню, на окнах которой висели ситцевые занавески в цветочек. Комнаты, через которые я проходила, были темные, без окон, и я все не могла найти то, что искала... Вскоре мне стало страшно, страшно до головокружения, и я побежала... Сломая голову я мчалась по каким-то переходам, поднималась и спускалась по лестницам с проваливающимися под ногами ступенями, и в конце сна уже не понимала и не помнила, где нахожусь...

Театр – это тот же кошмарный сон: в нем полно темных комнат без окон, мостов, которые рушатся у тебя под ногами, дверей, которые не ведут никуда... И нужно пройти все эти круги ада, миновать все препоны, пока попадешь в волшебный, сияющий мир сцены. И пока я шла, пока я бежала, задыхаясь, перепрыгивала через зияющие провалы, добиралась до самого чердака, а потом снова спускалась в какие-то мрачные подземелья, пока я неслась по лестницам этого проклятого лабиринта, я возненавидела этот мир сплошного притворства. И свои глупые желания быть причастной к этому миру. Как поет несчастный Ленский<sup>18</sup>: «Я пью волшебный яд желаний, меня преследуют мечты...». Волшебный яд моих желаний! Я так много мечтала о театре, который казался мне чудесной сказкой! И вот наконец мои мечты сбылись... Я добралась до сцены и получила все сполна: запутанные отношения, ложь, ненависть, зависть... Недаром во сне бабушка не захотела открыть мне, впустить на веранду. Однако в жизни я все-таки попала в театр. И что же? Стоил ли он тех жертв, которые я принесла в его честь? Я все, все положила на его алтарь – молодость, талант, честолубие, доброту... А был ли он добр ко мне? Театр не знает жалости, как языческий Молох<sup>19</sup>, он пожирает всех без разбора... Внутри этого лабиринта, из которого нет выхода, восседают не музы – о нет! Там находится чудовище Минотавр<sup>20</sup>, уничтожающее всякого, кто имеет неосторожность туда войти...

Перечитала то, что написала вчера. Господи, какая чушь! У меня так часто меняется настроение... Иногда жизнь выглядит сплошным праздником, как сегодня, а ведь только

<sup>18</sup> Ленский – персонаж оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», либретто к которой было написано по одноименному роману в стихах А. С. Пушкина.

<sup>19</sup> Молох – божество древних евреев, а также финикийцев и некоторых других народов. На алтаре Молоха сжигали человеческие жертвы.

<sup>20</sup> Минотавр – согласно греческой мифологии, Минотавр – чудовище с телом человека и головой быка, обитавшее в Кносском лабиринте и пожиравшее человеческие жертвы.

вчера я была на грани самоубийства или по меньшей мере нервного срыва. И мне казалось, что я достигла какой-то страшной черты, которую так и тянет перешагнуть...

Театр – рассадник нездорового честолюбия. Но даже я, несмотря на собственные болезненные амбиции, понимаю, что все мы – ну, или те из нас, кто причисляет свою особу к настоящим артистам, – мнят себя чуть ли не гениями. А гениям очень трудно находиться в обществе себе подобных. Работа в ансамбле для них мука. Они привыкли выпячивать собственное «я» любой ценой – иначе, думают они, публика их не заметит и не оценит... И они разрушают задуманные режиссером мизансцены, лезут на первый план, перекрикивают друг друга... Помню, как в старших классах у нас начался оркестр. Все мы пришли в спецшколу из обычных музыкалок. Нас выбрали, потому что у нас были выдающиеся способности. И каждый из нас – каждый! – втихомолку считал себя по меньшей мере Рихтером или Ростроповичем. Чувство ритма, абсолютный слух... Мы думали, что это главные составляющие таланта. Господи, только сейчас я вижу, какими мы были наивными, как мы все ошибались... Да, и вот всех нас собрали в одном зале. Для начала мы должны были сыграть что-то простенькое. Мы, привыкшие играть гораздо более сложные вещи, даже оскорбились – нам предложили пьеску чуть ли не для первоклашек. Мы сели, небрежно поставили на пюпитры ноты. Дирижер взмахнул палочкой... Мы начали – и почти сразу же понеслись кто в лес, кто по дрова. Растерянные, изумленные таким результатом, мы с негодованием смотрели друг на друга – кто же из нас оказался паршивой овцой? Кто первый сбился и потянул за собой остальных? Вторая попытка была не лучше первой. Однако каждый считал, что он играет правильно, а виноват сосед. На самом деле мы все были паршивыми овцами. Мы все сбивались, и прошло много времени, прежде чем мы научились слышать общее. Именно слышать общее всегда оказывается самым сложным. Многие люди так никогда этому и не научаются... И со мной сейчас происходит то же самое. Я перестала слышать других, перестала принимать во внимание их слова, их чувства, их желания... Я слышу только саму себя. А это очень страшно.

Катя вышла во двор с мусорным ведром в руках и зажмурилась. Весна неистовствовала. Даже здесь, в скромном городском дворе, она представала в полном блеске. Небо ослепительно голубело, солнце играло, пуская зеленых зайцев сквозь сочную молодую листву. Благодаря весне, все казалось свежим и обновленным: в недавно выкрашенной песочнице желтела гора влажного, утром привезенного песка, в котором не побывала еще ни одна кошка; недалеко группа дворничих в синих халатах красила качели и детские грибки. Даже запах краски казался сегодня каким-то весенним...

Сделав несколько шагов, Катя недоуменно остановилась. На месте привычного старого мусорного контейнера возвышался какой-то замысловатый пепелац. Отверстий в этом агрегате не наблюдалось, зато висела строгая табличка: «Только для бытовых отходов!» В Катином ведре было все – и картофельные очистки, и старые тетради, и разбитая вчера чашка... Что из этого бытовые отходы, а что нет?.. Она нерешительно топталась у мусоросборника, когда навстречу ей поднялась расплывчатая фигура, которую она заметила только сейчас.

– Мадам, доверьтесь профессионалу! – сказала фигура и галантно взяла у нее из рук ведро. Потянула какую-то ручку, и крышка агрегата плавно отъехала в сторону.

– Кстати, дамочка, там у вас пожрать ничего нет? – искательно спросила фигура. – А то, знаете ли, со вчера ничего не ел...

– Там сосиски. – Несколько растерявшись, Катя посмотрела на своего помощника.

Мужчина, несомненно, принадлежал к племени бомжей. Это читалось и по расхлябаным, бывшим когда-то фирменными кроссовкам, и по таким же потрепанным куртке, спортивным штанам и свитеру. Несмотря на весьма теплую погоду, голову мужчины прикрывала вязаная лыжная шапочка. Возраст его Катя навскидку определить не смогла. Ему могло быть и тридцать, и сорок, и даже шестьдесят...

– Они просроченные, – спохватившись, предупредила она. – И несвежие... Однако бомж уже увлеченно рылся в ведре.

– Просроченные, – нежно прогудел он, извлекая сосиски. – Несвежие! Чудные сосисочки! Даже и не пахнут еще! Такую иногда гадость приходится есть... Не буду и рассказывать, чувствительного человека от этого стошнить может! Больше ничего нет?

– Ничего, – виновато произнесла Катя. – Хотите, я вам хлеба вынесу?

– Буду весьма благодарен, – и бомж галантно приподнял головной убор.

Дома Катя наскоро отрезала несколько ломтей хлеба, щедро намазала их маслом, потом подумала и полезла в холодильник. Там царило полное продовольственное уныние. Кроме двух яиц, половинки лимона и печального ломтика сыра, свернувшегося от старости по идеальной кривой, ничто не оживляло пейзаж. Как раз сегодня, в воскресенье, она и собиралась пополнить съестные припасы. Именно в выходной она делала закупки на всю неделю, потому что очень часто работа буквально не давала ей передышки. Катя была опером, а опера, как известно, ноги кормят. За те годы, что лейтенант Скрипковская проработала в Управлении, она не сидела без работы ни дня, частенько прихватывая в интересах дела и собственные выходные. Поэтому в будни она едва-едва добредала домой, мечтая обычно не о сытном ужине, а только об одном – быстрее добраться до кровати. И магазины были досадным препятствием на пути к вожделенному отдыху...

Критически осмотрев свое небогатое продовольственное обеспечение, она вздохнула. Были, правда, еще пельмени в морозильнике, но... Ладно. Она добавила к бутербродам с маслом соленый огурец, плеснула в поллитрушку компота и спустилась вниз. Бомж терпеливо ждал ее у подъезда.

– А хотите, я вам сосиски сварю? – предложила она, передавая тарелку и банку в немые лапы.

– Поздно. Кстати, сосиски были отличные. Очень зря выкинули. О, с перчиком! Дамочка, огурчик сами солили? – спросил он, с хрустом откусывая от огурца и тут же запиная его сладким компотом.

– Мама... А вы отравиться не боитесь?

– Я уже ничего не боюсь, – философски изрек бомж, извлекая из кармана полиэтиленовый пакет и аккуратно укладывая туда хлеб с маслом. – На обед, – пояснил он. – Тарелочку держите... Да, деликатесами не питаюсь, как некоторые, которые на свалке живут. У тех каждый день и лососина, и буженина...

– Да ну? – удивилась Катя.

– Грузовиками вывозят просроченное из магазинов, – пояснил собеседник. – Нарезка всякая, сырки детские... Раньше еще больше было, да теперь магазины приспособились все перерабатывать. Ну, фарш там из мяса с душиком намолодь или кур гриль сделать...

Катя частенько покупала и кур гриль, и готовый фарш – эти опции изрядно сэкономили ее личное время. Она недоверчиво посмотрела на собеседника и неуверенно сказала:

– Куры вроде всегда свежие...

– Ну, вы скажете! Кто ж из свежих делать будет? Они их в маринад, а потом жарят... свежих ведь не всех разбирают, сами подумайте! Или варят, на фарш перемалывают и пирожки потом продают! Лучку туда побольше, чесночку, перчику, чтоб не воняло...

Катя поежилась и, чтобы не развивать дальше скользкую тему, спросила:

– А вы сами-то почему поближе к хлебным местам не живете?

– Ну, вы и сказали! – Бомж покрутил крупной круглой головой. – На свалке чтоб жить, это... ну, это все равно что вы бы отсюда в особняк крутой переехали. Не спорю, райончик у вас хороший, самый центр, но... – Бомж критически оглядел старые Катины джинсы и небогатые шлепанцы и сделал правильный вывод: – Небось квартирка ваша наследственная, а не купленная?

– Я здесь родилась, – согласилась Катя.

– Вот так и на свалке. Можно сказать, там родиться надо, – с сожалением вздохнув, изрек знаток несвежих кур. – Занято все, не пробиться... Быстро чужим по шее надают да под зад коленом! Будешь рожей по асфальту скрести, пока мелочь в карманах не поплавится... Они ж там не только кормятся, они там и драгметаллы ищут, и мусор сортируют, сдают... Богатые люди, я вам скажу! Ну, кроме всего, чтоб на свалке жить, надо обоняния совсем не иметь. Воньца – боже ж ты мой! За километр так шибает, что на ногах стоять невозможно! Туда даже трупы свозят... Да. А у меня обоняние тонкое, – пояснил он.

Катя потянула носом. Действительно ли у бомжа было тонкое обоняние, она сказать не могла, но воняло от него и в самом деле не так, чтобы очень. Пахло лежалыми тряпками, перегаром, табаком, чуть-чуть только что съеденными сосисками и... все.

– Я, например, как только в вошебойке бесплатно моют, по понедельникам, так сразу и бегу, – сообщил между тем ее собеседник. – Никогда не пропускаю. Оч-чень чистоту уважаю! Компот у вас сладкий, – заметил он.

– Любите сладкое? – спросила Катя.

– Вообще-то, не очень. – Бомж поскреб под шапочкой. – Тепло сегодня, красота... Хорошо, когда тепло! Теперь на улице спать можно будет. Нет, сладкое не люблю, – наморщив лоб, сделал он окончательный вывод. – А вот был у нас один, Леня... Да, Леня Водолажский! Так вот он сладкое просто жрал, аж трусился. И помер, – печально сказал бомж. – В прошлом году тортик съел и копыта откинул.

– От тортика?

– Ну я ж говорю... Привык от хорошей жизни тортики жрать, они его и сгубили. Мы одно время с ним вдвоем в подвале гужевались. В компании, оно всегда сподручнее. Но этот Леня, честно говоря, противный был мужик. Спесивый. Чуть что – и сразу: я, говорит, вам не ровня! Вы тут рвань подзаборная, а у меня свое дело было, свой дом... Да мало ли у кого что было! У меня вот тоже комната... была. Ну и что с того? А он как выпьет, сразу перья распушит и давай нести: и машина у него была, даже две... ну здесь он брехал, конечно. Зачем человеку две машины? Ну, может, грузовик... – Бомж снова поскреб под шапочкой. – Да, грузовик мог быть, не подумал я. И свой цех, говорит, был колбасный, три магазина продуктовых. Тоже небось, гад, просроченное продавал!

– И куда все подевалось? – с интересом спросила Катя.

– Точно, продавал этот Леня несвежее! – воскликнул бомж. – Потому как жадный был до ужаса. Такой сосиски не выкинет, нет... У него на жену все записано было. Чего-то он там мудрил, чтоб налоги не платить. Он мне все втолковать пытался, но я, знаете, чистый гуманитарий, не понимаю в этой математике ни фига! Ну а потом кто-то Лениной бабе настучал про его кобелизмы... он по бабам был еще тот ходок! Я ж говорю, тупой был этот Леня просто до ужаса! Тупой и жадный. Зачем такой жене нужен? Она обиделась и развелась с ним. Он к сыну подался – а сын его тоже турнул. Видать, сын поумнее папаши-то оказался – раз деньги у матери, значит, надо с ней дружить, а Леню побоку. Ну, он по судам ходил, пока деньги не кончились, да жена, видать, подмазала где надо. Ну, магазины-то по всем статьям ее были! Торгуют – значит, каждый день копейка есть. А Лене присудили всего полдома – да и то старого, где он только жить начинал. В суде соседи показания дали, что новый дом, магазины и цех этот колбасный жена и сын на свои построили, а Леня только груши околачивал да по бабам бегал. Видать, он и соседей достал, Водолажский этот, морда... Да, а потом и старый дом сгорел. Леня с горя напился, да сам и поджег, дурак! Гори, говорит, синим пламенем твоя половина, змея ты подколодная! Тупой, его ж половина тоже сгорела!

– Ничего себе история, – заметила Катя.

– Да... У нас у каждого – история. Вы вот думаете, с каких делов мы на улице оказываемся? От хорошей жизни?

– Извините, – сказала Катя.

– Чего там, – великодушно махнул рукой бомж. – Вы ж ни в чем не виноваты! Вы вот со мной по-человечески. Сосиски отдали, свежие совсем...

Катя покраснела. Интересно, как она сосиски отдала! Несла их выбрасывать. Собеседник ее меж тем ничего не заметил и продолжал:

– Вот та дамочка, между прочим, тоже Лене тортик от чистого сердца подарила. Берите, говорит, ешьте. А он, сволочуга прожорливая, ни с кем делиться не захотел. Танька-косая рядом тоже шебуршилась, попросила его по-человечески – поделись! Очень, говорит, я сладкое люблю, а он ей – вали, говорит, отседова, шалава, и шиш скрутил. Фу-у-у... Танька-то, конечно, страшная, как смертный грех, но какая-никакая, а дама... а он ей – шиш... Локти растопырил, чтоб она, значит, не лезла, коробку открыл, а там – красота... Здоровенный тор-тяра, целый, ненадкусанный даже, и весь в розочках. Танька, вошь лобковая прыткая, однако руку исхитрилась просунуть и цоп – кусок выхватила. Ох, он и взвился! Ка-а-ак дал ей по руке! У нее так все и вылетело, да прямо в грязь! А он еще и сверху прямо ногой наступил! Я ж говорю, культурного обращения с дамами никакого... Да еще и наорал на нее! Ты, кричит, паскуда, лапами своими вонючими в мой торт! Из-за тебя, говорит, куска лишился... вырезать и выбросить его теперь! Чешешься, говорит, где ни попадя, а потом шкрябалки свои в продукт суешь! Коробку закрыл, руки дрожат, всего от злости аж перекосило. Ну, понятно, ничего я у него просить уже не стал, а он сам и не предложил даже! А мы ж вместе жили... я его завсегда угощал! А он мне куска пожалел... не по-товарищески. Тут я как раз весь его характер и понял. Когда он его сам сожрал. Это его Бог наказал, от жадности своей он и лопнул. Заворот кишок, наверное, случился – иначе от чего бы он ласты склеил? Я его из подвала потом сам и вытащил... В подвале трубы, – пояснил он Кате, – запах пошел бы. Жильцы нажалуются, менты понаедут, а потом и подвал заколотят... А жить же где-то надо? Особенно по зимнему времени. Там подвал хороший был, сухой...

– А может, ваш Леня и не от тортика умер, а от сердца, например? – спросила Катя.

– Ну, вы мне рассказывать будете, от чего этот жлоб помер! От тортика он и скопытился, сто пудов. Я-то сам в тот вечер в гости пошел... от обиды на Ленчика, да и пригласили, конечно. Я сам человек деликатный, без приглашения не припрусь... И ночевать тоже там остался. С ним рядом не захотел. Он всю ночь, торт сожравши, рыгать, как свинья, будет, а я рядом что сирота спи! Нет уж, у меня тоже гордость есть! Пошел в гости... да и пригласили! – гордо повторил он. – Праздник у человека был. А на следующий вечер пришел – фу-у-у... все заблевано, извините, конечно. Я люблю чистоту и чтоб запаха никакого! Чтоб нагадить в своем подвале – этого я никогда не допускал, в любой мороз на улицу шел, даже если по малой надобности... извините за подробности. А тут безобразие такое... И Леня лежит, скрюченный и синий весь уже. От чего ж он скандыбился, если не от тортика? Ели-то мы с ним в тот день все поровну, а вот тортик он сам сожрал! Точно, у него заворот кишок случился! Это ж уму непостижимо – целый торт сожрать! Я вот целый торт нипочем... мне бы на неделю его хватило. Да я-то тортики не очень и люблю – мне там больше солененького: колбаски, рыбки. Сырок попадается. Сосиски тоже...

– А где, вы говорите, он его взял? – Сыщицкая Катина натура даже в выходной у собственного подъезда не давала ей покоя.

– Да я ж говорю, дамочка какая-то его выкинула. Приятная дамочка, вот вроде вас. Вынесла к помойке целый тортик в коробке, нетронутый, а Леня там как раз ошивался, на свою беду. Как тортик увидел, его прямо аж затрясло!

– А почему она его выбросила?

– Ну, вы зачем сосиски выбросили?

– Они портиться начали.

– Да ладно! Совсем хорошие! Неделю б еще точно лежали! А вы их – в ведро. Они даже и не пахли еще!

– А тортик свежий был?

– Вот то-то и оно, что совсем свежий. Леня на коробочку даже посмотрел, жлобья такой, и говорит: «Это мне Бог послал, у меня день рождения вчера был...» Да сам все и сожрал.

– А как он умер? – не унималась Катя. – Живот у него болел или как?

– Как он умер, не видел. Я ж вам сказал, я в гости пошел и напился, честно говоря, как свинья. Уснул, а проснулся аж утром. Тогда день подходящий был, поминальный, как мы тортик нашли, и мы с Леней денег насшибали у метро. В обычный день сидеть бесполезно – мало подадут, а в поминальный людей совесть мучает: вдруг сам Христос сидит у метро, в рванине, а ты мимо идешь и копейки не бросишь?.. Так хорошо подавали, что я и сам мог тортик купить, да он мне ни к чему, я сладкое не люблю. Ну, возле церкви, конечно, еще больше можно было насобирать, но у церкви нас гоняют, там своя мафия. Так мы у метро сели, народу много, а когда бабки с церкви обратно пошли – вообще красота, хорошо нам подавали. Ну, мы и купили два пузыря больших и закусь. Но Леня только один стакан хлопнул – и сразу давай свой торт жрать! Прямо ложкой! Перемазался весь, смотреть было противно. Ну, я один пузырь забрал и закусь, какая осталась, – надо же с собой было что принести. Да, если честно, ничего я Лене оставлять и не хотел – жри свой торт, хоть тресни! А на мое кровное свое хлебало не разевай! Да, утром как проснулся, мы еще там допили... что осталось. А потом я на кладбище намылился – там поминанье на могилках пособирать, яички, пасочки, чего есть... Хорошее дело, жалко, что не каждый день такое... Бывает, и похмелиться кто поднесет... Да. Честно говоря, я хоть сладкое и не люблю, но пасок и конфет насобираю целую сумку. А на Леню я сильно в обиде был. Пусть, думаю, спит, буржуйская морда, я за ним заходить не буду и делиться с ним ничем не буду... Вечером прихожу – а он лежит. Посмотрел – а он уже и холодный... Ну, я его тихонечко и выволок... Тяжелый был, зараза!

– А когда это было?

Бомж снова поскреб под шапочкой и наморщил лоб.

– Да... примерно в это же время, в прошлом году. Весной. Точно, в аккурат после Пасхи. Красная горка была, я ж говорю – поминанье собирать ходил. А вам что, интересно? Вы, случаем, в газеты не пишете?

– Вроде того, – засмеялась Катя.

– О, так вы приходите! – Бомж широко повел рукой в сторону двора, как будто приглашая Катю в собственную гостиную. – Я вам таких историй понарасказываю!

– Хорошо, – согласилась Катя. – А звать вас как?

– А Володей меня звать.

– Ну а я Катя.

– Вот и познакомились, – обрадовался бомж Володя. – Я ездить далеко не люблю, всегда где-нибудь в вашем районе, неподалеку... Район у вас хороший, – с легкой завистью в голосе пояснил он. – Подвалы большие, чистые. Грибочки вот красят... Вы, Катя, если что еще выбрасывать будете, так в ведро не ложите, – спохватился он. – А ложите вот тут, на кран пожарный. Тут собаки не достанут, а я буду идти и прихвачу.

– Ладно, – согласилась Катя, – только у меня редко что... портится.

– В газете платят плохо? – посочувствовал Володя.

## Из дневника убийцы

Сегодня я не пошла в театр. Вчера у меня ничего не получалось. Не было настроения, голоса – ничего не было. Бывает так, что ничего не выходит. Как не вышло полгода назад с партией Марфы. Я давно хотела спеть Марфу в «Царской невесте»<sup>21</sup> и с нетерпением ждала начала репетиций. Мысленно я пела ее уже много раз, но... как только я начала пропевать партию, почувствовала, что не готова к ней. Не получается. И не потому, что партия Марфы – сложная, нет, с голосом у меня все в порядке. Я чувствую, что, несмотря на все перешептывания за спиной, мой голос с возрастом становится только лучше. Нет, дело было совсем не в этом. Просто я знала, что сначала нужно самой пережить много страданий, несчастную любовь, измену... быть на грани смерти и безумия. Но разве у меня в жизни всего этого не было? Разве сейчас я не на грани смерти? Не на грани безумия? Разве то, чем я занимаюсь сейчас, можно назвать нормальным? И тем не менее я не смогла спеть Марфу так, как я ее представляю. Я, взрослая женщина, не смогла справиться с ролью юной девушки. Я не смогла бы передать того одиночества, отрешенности от мира, когда находишься внутри и одновременно ощущаешь себя вне бытия... Слабая, хрупкая девушка, на которую несчастья сыплются одно за другим... Столько горя сердце просто не может вынести... У меня самой останавливается сердце, когда я думаю об этом, и тогда я не могу петь, задыхаюсь... Для меня это не просто слова и музыка... это можно петь, когда сама пройдешь через огромные душевные терзания... Ну а я, наверное, жила слишком спокойно, слишком счастливо... до недавнего времени. Но все-таки то, что происходит со мной сейчас, – это слишком мало... слишком мало... Чтобы петь Марфу, нужно очень много страдать. Нужно пережить какое-то большое потрясение. Я старалась представить себе, что чувствовала Марфа, но ничего не получалось.

---

<sup>21</sup> «Царская невеста» – опера Н. А. Римского-Корсакова; Марфа, купеческая дочь, – одно из главных действующих лиц оперы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.